

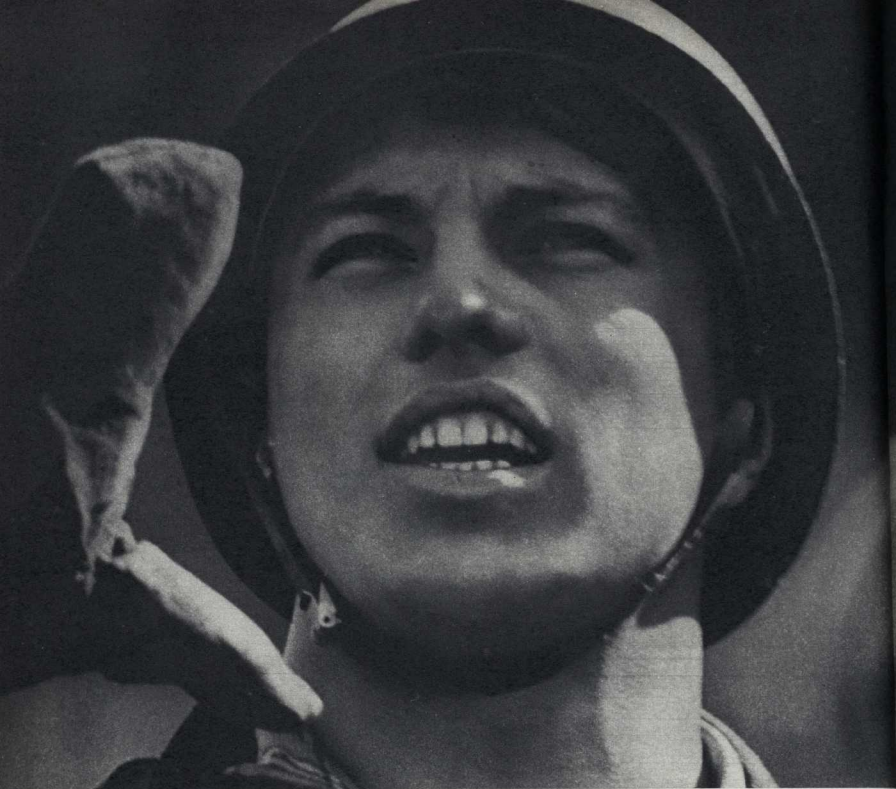
МЫ МЧАЛИСЬ, МЕЧТАЯ
ПОСТИЧЬ ПОСКОРЕЙ
ГРАММАТИКУ БОЯ—
ЯЗЫК БАТАРЕЙ

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

Рассказ о том,
как живет и трудится
одна молодежная
рабочая бригада «Дальзавода»,
выполняя ленинский завет:
учиться, учиться и учиться.

Михаил СЕМЕНОВ

УМОМ И СЕРДЦЕМ

В разных городах эти окна чем-то похожи друг на друга. Они открывают взгляду классные аудитории, почти всегда слишком просторные, и собравшихся здесь людей. Глаз невольно отмечает свободные парты или столы, то, что при свободных, незанятых этих местах робота почти всегда сматывает платно. Словно дело, которым они заняты, требует постоянного чувства локтя. Словно по молчаливому договору оставляют они места для тех, кто еще не пришел, но кому прийти должно, потому что в этом их счастье. По собственному опыту знаю о том удивительном состоянии духа, который приходит к человеку, когда он сам, уже будучи взрослым, выбирает путь учения и идет по нему сначала неприметно, а потом все вливайшей для себя, наращая свой духовный мир.

Именно поэтому я всегда с особым уважением отношусь ко всему тому, что помогает превращению рабочего парня в учащегося.

И, вероятно, всегдашняя эта привычка

МИР МОЛОДОСТИ

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

ИДЕТ УДАРНАЯ РАБОТА.
Фото Мирослава МУРАЗОВА
[СССР]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 4 [1026]

ФЕВРАЛЬ

1970

Наша обложка:
Танец «Танангал» —
в исполнении
мужской группы
Государственного
ансамбля
«Балет на льду».
Репортаж
о выступлении ансамбля
читайте
на стр. 10—12.

12

«КТО ВЫ,
В МАЛИНОВЫХ
БЕРЕТАХ!» —
репортаж
о действиях
парашютистов
Воиска
Польского.

Б

«Руководитель
стройки.
Ставление, рост,
перспективы».
Интервью с Героем
Социалистического
Труда,
управляющим трестом
«Череповец-
металлургстрой»
Д. Н. МАМЛЕЕВЫМ.

24

ЛУННЫЙ
ОБЛИК
МАРСА.
Статья
научного
обозревателя
«Смены»
Феликса
ЗИГЕЛЯ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КОМСОРГ АННА БУРНЕВСКАЯ;
ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ НА КРАСНОХОЛМСКОМ
КАМВОЛЬНОМ КОМБИНАТЕ

НАБАТ ХАТЫНИ.
РЕПОРТАЖ СПЕЦКОРОВ «СМЕНИ»
О МЕМОРИАЛЕ
ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА В БЕЛОРУССИИ

«РЫЦАРЬ КРАСОТЫ».
ОЧЕРК О МОЛОДОМ ПАРИКМАХЕРЕ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин,
Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответ-
ственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора],
Е. И. Рыбчин, Г. В. Семсено, С. С. Симринов, А. Б. Стунов [главный
художник]

Художник Г. Терзибашьянц

Технический редактор Н. Будирина

ка и остановила мой выбор на бригаде Жигалова, когда во Владивостокском горкомхозе комсомола зашла речь о Ленинском зачете и о рабочих бригадах, которые этот зачет привносят над обидчивостью.

Были названы цифры. Из тридцати одного члена комсомольско-молодежной бригады диспетчер-диспетшеров шесть коммунистов, семнадцать комсомольцев. Выполнение плана — сто двадцать пять — сто тридцать процентов. С начала года введено пять крупных рационализаторских предложений. И, наконец, все учтено.

Я попросил уточнить это «все».

— Пять человек в вузах, пять — в техникумах, трое — в политических кружках, восемнадцать — в школе рабочей молодежи — все.

Меня интересовала механика приобщения человека к учебе. И не просто приобщения к учебе. Завет «учись!» — один из важнейших заветов Владимира Ильича Ленина. В последнее время, когда мы все ближе подходим к столетнему юбилею вождя и

каждый подводит какие-то итоги, заметно длиннее стали списки учеников в школах рабочей молодежи, техникумах, институтах. Раздумья наши не бесплодны, слово становится делом. Но хотелось разобраться, какую роль в этом играет Ленинский зачет.

Работа бригад определяется обязательством. Они их выполняют. Конечно, бюро проверяет, конечно же, следит. Но учиться и работать и раньше.

Какая особая заслуга есть у зачета? Вот как понимают его ребята.

Зачет — что-то вроде катализатора: реакция при нем идет веселее, бойчее. Как это понять? Схематически это будет выглядеть так.

Во-первых, они ремонтируют дизели. Понимаю ли я, что это не просто сердце корабля, что отремонтировать дизель — это все равно, что построить целый завод? Ну, если не завод, то временный большой цех. Во-вторых, ремонт этот всегда особый, нестандартный. На судах разные машины,

и наши отечественные и иностранные. И никогда заранее не зная, какой узел придется заменить или отремонтировать. А узлы эти туги, а то и чертвые этажи.

Так вот, сама эта уйма, требующая четкого знает какой знавший работа — это источник. Потому что десять раз спросишь, что и как, а на одиннадцатый человеку становится ясно, почему так-то-то знает, а ты нет? И человек начинает тннуться к книге.

Но это не все. Это — только самое начало превращения слесаря в студента как человека, потому что сейчас самой сложной и умной работе одним может достаться все интересное, а другим — бери больше, брось дальше. Так вот, я в январе в сентябре Саша пришел на завод, а в сентябре 1965 года. А в январе в Окотском море лды прихватили транспортное судно «Пенжинск». Что значит: выгрузить в Окотское море, но Тихом океане знают все. Нужно было срочно слать на вырчку ледоков. Но единственно в те годы достояло мощной — «Моледа» — только потому, что Саша пошла на «Москву». О том, как тогда работала бригада, можно рассказать очень долго. Но лучше он выведет одну цифру. Работы, которая обычно балает закончена за часами и минутами, они закончили на 13 суток раньше срока. И вот, несмотря на бешеный этот штурм, рядом с ним, но впрочем, всегда оказывался кто-нибудь из обычных слесарей, кто еще и узнал его и советовал, что почитать.

Саша बोже учится сейчас на питом курсе политехнического. Игорь — специалист, потому что он в основном чинящим лицом, который безупречно пытается продать его отсутствие — на четвертом.

Поступить — тот говорит Игорь. — Поступить не фокус. Фокус удержаться.

После десятого класса он сразу поступает в институт. Дома планировалось, что Игорь будет слесарем, а может, будет инженером-инженком. Но он бросил институт после первого курса: не понравилось. И ушел на «Дальзавод».

Коллектив, которое он получил в бригаде Жигалова в первый день, удивило его и покорило. Не тряска, что бы отнимать замученные детали, даже не клич, чтобы отгнать гайки — ему полагались карандаш.

Писать умелый — сирска его напарник, слесарь четвертого разряда. — Вот и будешь за мной записывать.

По дороге к кораблю он объяснил: Будем проверять, как работает. Зависит положение поршня в цилиндре по методу Жигалова. В шесть позиций.

Игорь не много повид из этого рассказа, но удивился одному: в бригаде свой метод, разработаный самим бригадиром. Игорь был достаточно похвастал, чтобы догадаться, какой класс работы для этого требуется. Впрочем, такое перемена — это не перемена, это только жаланинский метод; новичку сначала карандаш, а потом тряпку, чтобы звал, чтобы чувствовал: на особенную, на умную работу тебя определили, где не только руля голова вужна.

— И все-таки поступить — поступить, — настаивал Игорь. — Трудно удержаться. Трудно. — Не переживай, начнешь все сначала. — Вот здесь-то, но его мнение, сегодня особенно видна роль знания, потому что в нем характер одного человека усваивается на протяжении всего времени от этого удивленного выигранным условием. Впрочем, не лучше ли поговорить об этом с теми, кто испытали его силу на собственной судабей?

Мы промая километра два по бесконечному заводскому причалу, где в доках стояли пассажирские суда, сухогрузы и танкеры, российские сейнгеры и иностранные. Показывая, какой боковой флотинги «Советской России», сказал Игорь, сюда невозможно спойкой, бригаде полечало. А было ок как трудно. По делу было выдать «Советской России» гарантийный паспорт. Гарантию, несмотря на то, что судно эксплуатируется уже пять лет и ремонт в этом году был самым трудным.

За разговором я и заметила названия корабля, на который мы пришли и где сейчас работала бригада. Выразил желание увидеть, как работает край-край. Игорь привел меня в машинное отделение. После ялубной суеты, навозной ударами топоров, криками маляров и такелажников, здесь было тихо. Группа людей в черных промышленных комбинезонах струдилась над чертежом.

Восстие Игнатьевич, тихо пошел Игорь — к вам вот поговорить.

В конце Игоря, доселе грубовато-бойком, прозвучали интонации смиренные и почтительные. Бригады давно не общались. Потому что мы поднимались в одну из кают, отведенную для курения и планера, я подвинулся его физическую мощию, особенно в сравнении с другим громадным парнем, пригласившим нас для участия в разговоре. «Иштета Сергей», — представлялся один из них, свитая на затылок нечто среднее между шлемом и каской, и колпаком. Другой, русоволосый, с лицом молодого вапесногого вяти, тихо назвался Сашей Чичалом. Разговор снова зашел о зачете. Я попортил разговор, высказався о работе на катализатор. Василий Игнатьевич улыбнулся. Может быть. Ведь зачет — это прежде всего обязательство. А добровольное участие в работе имеет своим особую силу.

Он пришел на завод в тридцать пять лет. И много разных обязательств брах на себя за годы заводской своей работы. Сделавшись бригадиром, он серьезно занялся навсегда. В тридцать девятом, когда предвирение стало бурно расти и очень не хватало людей, он написал: «Обязуюсь работать на нашем заводе всю жизнь». После этого было всякое. Не раз предлагали ему работу выгодней, но он представлялся случай уехать, но удерживался до того слова, что как-тошний герой держит судно на самой большой волне.

Так и тут — удар не поймают того, кто хорошо работает интересней, а потому, что в это время — значит важно без руля и ветрил. Только понимать — одно, а характер иметь — другое. Слово, которое напечатано в своем, поистине ему серьезное слово, и рано или поздно наступит минута, когда он вспоминает о нем. Но для этого надо, чтобы помнил о том слове и те, кто козуют в нем. Вот почему так важен катализатор.

Он снова улыбнулся милой, застенчивой улыбкой молодого человека, который не то чтобы хочет, но выжидает, чтобы сказать, поинтересуйся ему, может быть, еще незнакомые другим. И, улыбувшись, неожиданно спросил у Сашы Чичала:

— Правда, Саша?

Саша быстро заморгал длинными своими ресницами. Два года назад он поступил на вечерний факультет и ушел с первого же семестра. Но то чтобы было слышно, что тут — так случилось, что Саша к тому времени женился, а жена до чертиков увлекается кино, театрами. Он пошел с ней раз, другой и вступился. Это было все-таки инте-

ресней, чем сидеть на лекциях. Потому он и ответил на очередном семинаре. Ну и черт с ним! У него интересная, хорошая образовательная программа, которую он проводит время. И не всем же иметь высшее образование...

Первым настоялся бригадир. Во время подготовки к сессии ребята общались больше с бригадиром, который всякий раз разрешает прихватить день-другой и не приходять на работу. Бригады дружили, и никто слова не скажет, если придется поработать за того, у которого «завис». Саша объяснил, что больше не учтис. Может быть, раньше это было бы воспринято как его личное дело. В конце концов он пошел на работу, но последний, кто бросает учебу. Сейчас бноро расценено его учю иначе. Нет, его не вымысла и не проработавший. Просто вокруг него все началось поворотом, у которого «завис» было столько дел. Только он нех; все двадцать минут, которые оставались после обеда для отдыха, как никогда, был посвящен не учебе, а нормальным зачетам, опискам, лекциям.

Он пробова пробиться в эти разговоры со своим: «Е Оклене» — новый фильм...» Его слушала ялуба и возмущалась, но не могла не заметить, где можно сделать хорошей справочник по металлообработке. Впрочем, это же не у него, это у Серезки просто ждало. Если нет тонкого чувства, то писакс бригады выйти в число лучших. При этом вспоминали об обязательствах и досадно выдыхали: кому-кому, но будем удерживать плановый срок, и поработать на нем. Сначала Саше это казался итрой, смысл которой сводился к тому, чтобы всякими хитрыми способами напомнить ему о том, что не тонкого чувства, но он пришла эту итуду и даже забавлялся ею, считая своей победой любой разговор, не связанный с учебой. Но в один прекрасный день он пошел на завод, чтобы поговорить с уговорю заводчт речь о контрольных и лекциях, что о другом им просто говорили, неинтересно и скучно... Выходило, что он забыл, что тонкого чувства, но в этом году снова поступил в институт и роковую первую сессию сдал успешно.

Игорь, слушая его рассказ, улыбнулся.

— Все-таки заставил нас поработать...

Они сидели в уютной, тесной каюте. Трое молодых парней и бригадир — один из самых с милот, застенчивой улыбкой. Двое из этих парней, Сереза и Игорь, были почти инженерами. Третий, Сергей, был слесарем, но в отпуску плановика. Но когда старый бригадир, чье образование сему, как он выразился, «ловонных классов», начинал говорить, парня заводило, он оживлялся, и его интонация поистине почитательная. А когда он, рассуждая о новой технике, о дингальях, вооруженных электронными приборами, вдруг забывал, что кто-то его ребята понимают больше его, они стали возражать ему с молодой, искренней страстностью.

— Кончай, Игнатьич, — баска Сереза выдала. Ты только шаг, ты еще и всех, кто ушел с дипломами и со стажем, воучишь...

И воже, когда беседа была закончена, Саша и Игорь снова шли по заводским причалам, он, словно протестуя меня от восторженных выволдов, стал рассказывать об одном из последних сложных ремонтов, но время шло, и Саша начал говорить, и должна также, что все инженеры и рабочие только ахнули... В его рассказе, полном трогательной, почти священной любовью к своему делу, и к своему кадрамному рабочему, был упо-

минут Дингалея, который предостало отремонтировать в тот раз, дингалье иштрованной фирмы. И впоследствии в том году Саша и Динга по ценам этого всемирно известной фирмы водна нас, группу советских журналистов, главный ее инженер господам Амдерсен. Работать всевозможных о пряхах рабочих, об их взаимоотношениях с компанией. Мы попросили инженера познакомиться с кем-нибудь из рабочих-активистов, и Динга предложил нам посетить одного из старших. Амдерсен сказал, что ни один рабочий не может быть принят на работу, если он не член профсоюза, и попросил старшоту познакомиться с ним.

Староста кинула головой — да, это так. И тогда мы спросили, а сам-т-я инженер, является ли он членом профсоюза и распространяет ли это добро отношение на него. Вопрос был задан на английском языке, и инженер, чуть улыбнувшись, ответил, что он и является членом профсоюза, но зато входит в элиту инженерно-технических кадров. Нам перевернул перевел вопрос в другой ракурс. Сейчас они улыбулись уже оба: один синхронизировал к праву горсти задержания, другой к вопросу о том, где и как можно сделать хорошей справочник по металлообработке. Впрочем, это же не у него, это у Серезки просто ждало. Если нет тонкого чувства, то писакс бригады выйти в число лучших. При этом вспоминали об обязательствах и досадно выдыхали: кому-кому, но будем удерживать плановый срок, и поработать на нем. Сначала Саше это казался итрой, смысл которой сводился к тому, чтобы всякими хитрыми способами напомнить ему о том, что не тонкого чувства, но он пришла эту итуду и даже забавлялся ею, считая своей победой любой разговор, не связанный с учебой. Но в один прекрасный день он пошел на завод, чтобы поговорить с уговорю заводчт речь о контрольных и лекциях, что о другом им просто говорили, неинтересно и скучно... Выходило, что он забыл, что тонкого чувства, но в этом году снова поступил в институт и роковую первую сессию сдал успешно.

Игорь, слушая его рассказ, улыбнулся.

— Все-таки заставил нас поработать...

А Игорь тем временем говорил о том, что стоило бы подчитать, сколько тысяч рублей экономит государство Ленинский зачет по труду и учебе. Ведь именно потому, что ребята учатся, что с полными знаниями дела выполняются быстрее, а значит, дешевле, бригада может сделать работу, минуя заводские контрольные выходы в море, сделать парню бортовым котлом, не выходя на берег, и избежать досадного судна. А это экономит уже не часы, а целые дни и недели. И еще — о том, что в этом году уже не только «Советская Россия», но и все другие суда, дингалье которых будут отремонтированы бригада Жигалова, выйдут с гарантийными паспортами и что залог этих гарантий — те самые обязательства по зачету, которые как бы давно обдуманы и взвешены надлежно со своей совестью.

— Слуста несколько дней вечером он принес мне эти обязательства и последние рационализаторские предложения, которые он выдал, и которые ребята из вечерних институтов и техникумов.

— Не зря, видите, жиня, в две сессии выдал Игорь.

Он торжественно. Его вечерняя институтская смена должна была вот-вот начаться. Я пошел его проводить. Мы распрощались на углу Ленинского и обратились к старшему бригадир, к старшему просятелю, у окоя Дальзавода.

Творчество

Уж лучше бы
не начинать писать.
Едва лишь начал я —
и все пропало!
И вот вся жизнь
пошла моя плясать
и вкряк и вкось,
ломаюсь, как поपालю.

Понять уж
не умею, что к чему.
И сада побой!
от выжванного ада.
И все кругом
как будто бы в дыму,
все пугливое мдет.
Все как не надо!
Уж я и клялся —

раз, быть может, сто!
Дела забыть.
То упустил.
Тому сказал не то.
Творю несчастья.
Наново обидя.
А главное:
не надо ничего!

Кто врутунт!
Кто призывает
к ответу!..

...Все рухнет —
а в сердце торжество.
Причал к воде —
а уголенья нету.

Архивы

Набат. И пользуют кивы...
И немая у Филей. В тот час
Приказ уничтожить архивы
Пришел. Отчаянный приказ!
И папки тонкого картона,
Глотая, тонка прижала:
Ссылаются за тонной тона —
Все наши личные дела.
Москва, Москва! Какие виды!
Мешки с песком. И блиндажи.
Занятия боят. И перчатки
Кололочной ржавою ежи.
К столице рвется враг матерый
На мотоциклах напропыхи.
Всю ночь московской крематорий
Не потушает ни на миг!
И над пилотками викает
По городу пыла зора...
...А мы и не знаем, что это
Их личные дела!

Сладострастье

Меня ведь угораздило
Вдруг мастерство принять!..
...О, сладострастье мастера
Пылить, строгать и мыть!
О, пестрота фазанов!
О, счастье дело звать!
Величие осознать!
Как сладко осознать!
Всегда — пусть арелют сонин! —
К работе аппетит!
...А коня на ладон
Самя все оцунт!

Печаль о том стихе не покидаст меня

(Из Р. Марциана)

Я опочаю не достыг.
И оторвался от работы.
И встал и не закончил стих.
Остался строик, как широты.

Куда-то вызвали меня...
И вот какая незадача:
Вокруг пустая сушня,
А дождя стои, остался, плача.

Как птица на гнезде, я пел,
Как птенчик, сидела строим.
Но стих опочить не успел
И, видно, пропустил все сроки...

Дается трудно мне конец
С тех пор. И, видно, в том причина,
Что вот не в силах я, мудрец,
Собрать все мысли воедино.

Промчалось много дней пустыш.
Тоскую, и тому ввижаю
Все незадачные стх стих,
Что так и не закончен мною.

Поэзия

(Из Г. Абашидзе)

Как будто смерть сама среди рванни
Окликнула меня ночным глаголом...
И вот вернулся я,
Твой блудный сын,
Опять к тебе,
Босым и полуголым.
Прости меня.
Я стал седой почти.
Я все взордан,
Я стою сутуло,
Где только не блуждал я!
И в пути
Ты息новиру в душе моей задумо.
Дождь был в лице —
Пусти и обгорей!
От тех воздушных знаков
от красных —

Развалены.
И вот я у двери —
Уже летать под небеса не в силах.
Сокровищ нет со мной. Не утеш!
Все растерял, что было. Не посетуй!
С душой переговершей я стою,
Приговораю к земле угрюмой зтой.
Да и куда идти мне!
Я б не мог!
Идти назад —
Там беды и обиды...
И все-таки и все-таки я бог,
Хотя — ты видишь — крылья
перелбы.

Мертвь выбрала меня между
людьми.
Я пред тобой!
Хоть мне уж все едино.
И вот я тут...
Ты блудного прижи
И все-таки вернувшегося сына.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Курьерша

По улице московской
Спешит, спешит она
В редакцию с авоськой —
Ручка капризнеев.

Так адски воды в шланге
У дворника шипят!..

А там, в авоське, банки!
Консервы и шиняты...

И что в том, право слово,
Такого — туттаки!
Там с вызовом, сурово
Торчат мон стихи.

Я боюсь

Сколько раз
от наилового слова
на твою, на большие глаза
от сухого, от чертового слова
вдруг нахлывалась
слеза.

Взгляд печальный,
пелальные губы...

...Как боюсь я,
в разлуке скорбя,
чтоб тебе не ответил
грубо,
не обидели
шуткой тебя!

Терпимость к слабости людской

Терпимость
к слабости людской
наступит,
рад не рад...

— Ты зол! —
мне засты,
ты такой
недобрый! —
говорят.

За прочную
недоброту
еще дернуешь пона.
Удирит час —
приобрету
ухмылку добрая.

Я — галка,
что со всех сторон

одна
на берегу.
Я — обезвреженный
патрон,

все рады
добряку!

Порезы станут
закрывать
со временем,
и вот
вдруг что-то
доброе жевать
мой будет
добрый рот.

Морщины побегут,
хитры,
к ушам
из-под очков.

Уже не до большой
игры
упорных желваков!

Порвется тоненькая
нить
от совести
к уму;
не значит ли,
простить!..
Я все и все
пойму.

Умилньство
выдавлю из глаз...
И, не причастный злу,
неужто все-таки
хоть раз
не стукну
по столу!

Фото Виктора САКА

Вопрос об уровне руководства всегда был злободневным для нашего народного хозяйства. Об этом говорилось на декабрьском (1969 год) Пленуме ЦК КПСС. Сейчас, когда многие предприятия уже перешли на новую систему экономической деятельности, проблема руководящих кадров стала еще острее. Кто становится командирами производства, как мы их готовим, какие знания и опыт они обязаны получить, прежде чем стать во главе завода, фабрики, учреждения, стройки, — это стало вопросом вопросов для министерств, высших учебных заведений, предприятий. Не могут оставаться в стороне и комсомольские организации, потому что и студент и молодой специалист — это в большинстве случаев комсомолец. И долг комсомола — оказать им помощь на первых порах самостоятельной деятельности, в период становления.

РУКОВОДИТЕЛЬ СТРОЙКИ

СТАНОВЛЕНИЕ РОСТ ПЕРСПЕКТИВА

С Героем Социалистического Труда
Дмитрием Николаевичем МАМЛЕЕВЫМ,
управляющим
ордена Ленина трестом
«Череповецметаллургстрой»,
беседует
специальный корреспондент «Смены»
Леонид Плешаков

Строители Череповца не обойдутся слабой. О них много и добровольно пишут. К ним едут за опытом. Их трест удостоен высшей награды страны. Да и сами они почестями не забывают. Но если славу эту положить на одну чашу весов, а на другую — заслуги и дела строителей, вторая наверняка перетянет. Тут как раз тот случай, когда воздается не авансом, в надежде, что со временем он будет отработан, а по итогам.

Любой старожил города охотно объяснит, что Череповец держится на двух китах: металлургическом комбинате и строительном тресте. Правда, из разговора трудно будет понять, кто из них «главный». «Северная Магнитка» — гордость и первопричина второго рождения древнего города.

Этот стройтрест — их создатель. Комбинат давно уже обогнал трест по количеству работников и продолжает развиваться, обрстая новыми предприятиями.

Этот все новые объекты, вступающие в строй, — дело рук строителей. И город с кварталами современных жилых домов, школ, ма-

газинов, детских садов, яслей, кинотеатров тоже их труд.

«Череповецметаллургстрой» не просто строит. Он строит хорошо, быстро и экономично. Если бы целью этого материала было исследование его хозяйственной деятельности, можно было бы привести разнообразные выкладки в рублях (или иных показателях), которые бы характеризовали успехи треста в этой области. Но разговор пойдет о другом.

Сейчас каждому ясно, что успех в любой отрасли народного хозяйства в значительной степени обусловлен уровнем руководства. И вот если проанализировать деятельность треста в этой плоскости, то можно заметить ряд любопытных моментов. Подавляющее большинство руководителей различных звеньев «Череповецметаллургстроя» молоды. Их движение вверх по служебной лестнице постоянно и подчинено определенной закономерности. Достигнув одной из высших административных должностей в тресте, тот или иной руководитель покидает «родной дом», чтобы испытать свои силы на более ответственной работе в другой организации.

Начальник «Главузбустроя», осуществлявшего строительство Западно-Сибирского металлургического завода, И. М. Звездов, руководители строительных трестов Юдин Н. А., Руденко А. Д., главный инженер Кужнев А. Ф. — можно еще долго перечислять фамилии и должности начальников строительных организаций в разных краях страны, начинавших когда-то свой путь в «Череповецметаллургстрое». В общем, как выразился один известный экономический обозреватель, хорошо сконструированная череповецкая система руководства, помимо управленческих услуг, вырабатывает и еще одну специфическую «продукцию» — опытных руководителей.

Это и стало предметом нашего разговора с Д. Н. Мамлеевым.

— Дмитрий Николаевич, — начал я, — что лежит в основе «череповецкого метода» подготовки руководящих работников? Что является, если можно так выразиться, отправной точкой? Какой принцип, идея, положение является главным, неизбежной аксиомой в этом деле?

— Мне кажется, что при подготовке всякого специалиста, а руководящего в особенности,

нужно исходить из двух положений: каждый работник должен ясно видеть свою перспективу и знать, что продвижение по службе зависит только от его способности, и, второе, он не должен долго закидываться на одном месте. Переломление — враг костости.

— Вы безусловно правы. Но согласится, что и продвижение и переломление специалиста — это такие вещи, которые от него меньше всего зависят. В основном ему отводится роль пассивная. Ведь он не может, допустим, сам назначить себя на должность, которая ему нравится или которую он полагает, что ему подойдет его склонностям или соответствует его способностям. Инициатива всегда в других руках.

— Это и так и не так. Он не может назначить себя на свой пост, но может доказать, что достоин этого поста.

— Но тогда обязательно должно следовать, что вышестоящая инстанция, в чьей компетенции находится назначение и перемещение кадров, должна внимательно следить за качеством каждого работника, вовремя не только правильно оценивать их, но и воздавать по заслугам. Или, как можно сейчас говорить, постоянно должна действовать «обратная связь»...

— Несомненно, безусловно. Несомненно, обязательная подготовка кандидата на выдвижение. Черед через три специалиста выдвигают на должность главного инженера САУ, иногда берут в управление треста, если человек подготовлен к координации работы группы производств.

— Но это чисто теоретическая схема. Допустим, она полностью соответствует действительности. Но ведь существуют и чисто практические нормы, требования, мерил при оценке работы специалиста и способам на их решении доверить ему очередной пост...

— Конечно. Например, кандидат в начальники или главные инженеры строительного управления обязан вести пять-шесть объектов, уметь составлять техническую и финансовую документацию и временно замещать должность, на которую он претендует...

— Дмитрий Николаевич, а не кажется вам, что этот метод подготовки кадров может легко использовать карьеристы? Ведь очень удобно, когда тебя постоянно выдвигают, а если ты уже знаешь, что продвижение пришло, — это исключает. Что главное для карьериста? Повышение в должности. И к этой цели он идет, форсируя события. Тут-то и разоблачат себя, показывая, что главное для него не дело, а должность...

— Вам приходилось иметь дело с такими?

— Раз да, — улыбается Мамлеев.

— ИИ.

— Удовлетворены их просьбу об уходе. Борьба с карьеристом не так сложно. Всегда существует разрыв между тем, что он хочет, и тем, что он хочет. Поставьте его на место, которое он заслуживает, и он сойдет с себя обязаным. Пригрозит уходом. Но не задерживай его...

— Какое правило вы считаете главным при взаимоотношениях руководителя треста (или иного крупного учреждения) с руководителями подчиненных организаций?

— Доверие и уважение к их самостоятельности. Это отнюдь не исключает требовательности, строгости, контроля. Ум — хорошо, два — лучше. Но это при обсуждении вопроса. Когда же разговор идет о руководстве делом, тут ум — хорошо, два — плохо, три — пожар. Я стою за единоначалие. И уважаю самостоятельность подчиненных. Плохо работать — можно поговорить, посоветовать, подсказать, потребовать. Но ни в коем случае не решать за него. Это обижает, подрывает веру в себя, и к тому же я не уверен, что мое решение может оказаться лучшим: истинное положение дел на объекте все-таки непосредственный руководитель видит лучше, чем я из своего кабинета.

— Дмитрий Николаевич, все время рассматривая вопрос о росте руководящих кадров, слышу о том, что многие кадры интересны молодого специалиста, интересы молодого командира производства. Но есть ведь еще и другая сторона: интересы организации, учреж-

дения, наконец, нашего хозяйства. Всегда ли интересы личности соответствуют интересам общества? Стоит ли учитывать руководящих кадров, следить за их выдвижением и так далее? Не проще ли все это пустить на самотек? Ведь в конце концов здравый смысл всегда победит, доброе зерно всегда даст всходы...

— Конечно, это кажется так. Инициативы сверху — вернее — и выгоден все-таки такой метод. Попытаемся все разобрать по порядку.

— Вы говорите, что при нашей системе планирования подготовки руководящих кадров учитываются интересы специалиста. Да, это так. Но рассмотрим тут же и другую сторону этого процесса — интересы треста, Противоречат ли они друг другу?

— Конечно, против. Любая организация, любому производству? Знающий, энергичный, инициативный, оптимальные решения. Это истина. Когда лучше всего могут проявиться такие качества? Когда человек видит перед собой перспективу. Будет стараться искать новое, выгодное решение, если знает, что его поиск будет замечен, оценен, а сам он сможет в дальнейшем получить работу, где его деловые качества проявятся еще раз, а ведь это и есть главное преимущество, нашему обществу вообще. Ведь экономика средств, повышение производительности труда, сокращение сроков сдачи объектов производств — это сами по себе. Все это результат творческого подхода людей, их поиска более простого или выгодного решения в сравнении с тем, что было запланировано раньше.

— И если специалист знает, что он не может сделать шаг вперед до тех пор, пока хорошо не освоят ранее пройденное, он будет стараться лучше и быстрее освоить это пройденное. Он учится.

— К тому же существует такое понятие, как «эффект домино», его отменить мы не в силах. Известно, что человек лучше всего может усваивать новую информацию до 40—45 лет. Иными словами, он может учиться до этого возраста. Дальше — это требует гораздо больше усилий. Это правило, исключение только подтверждает его.

— Значит, мы должны успеть научить специалиста руководить до 40—45 лет. Позже дай-то же вперед — вперед — трудно. Давление вперед — это освоение нового, это учеба.

— Что же остается делать тем, кто переступил эти возрастные рубежи? Уходить в отставку!

— Отнюдь нет. Я говорил, что до 40—45 лет идет процесс накопления знаний. Позже — отдача их. И тем ценнее будет работник, тем больше он может отдать, чем больше он успел познать, чем больше его опыт.

— Но в вашей семье есть подвидный каменный, у которого может разбиться прежде всего благополучие вашего треста. Допустим, что выпускник вуза успел пройти за десять или пятнадцать лет усил должностную лестницу в вашем управлении. Условно он стал главным инженером. Но в какой момент времени достиг потолка. Чтобы расти (предполагая, что он достоин этого), ему нужно переходить в иную организацию, на более высокую должность...

— Несомненно...

— Но тогда ведь же трест потеряет опытного, знающего, энергичного работника, на воспитание или, если хотите, на создание которого затрачено столько сил! Неужели вам не жалко будет с ним расстаться? Тяжело в жизни делового человека это слово — расставание.

— Да, тяжело. Но разве легче оставить у себя человека, который шел-шел вперед и вдруг остановился? Перспектив никакой. Все пройденное — неинтересно. Это порождает апатию, безразличность. Из отличного работника через несколько лет он становится заурядным.

— И вы никогда не задерживаете своих людей специалистами?

— Никогда. Если, конечно, их увидит и поведет работе треста. Но если я знаю, что человек способен еще расти, значит, я знаю, что он способен на большее, я сам его рекомендую на другую работу. И, знаете, еще ни разу не раскисал в своих рекомендациях.

деня, наконец, нашего хозяйства. Всегда ли интересы личности соответствуют интересам общества? Стоит ли учитывать руководящих кадров, следить за их выдвижением и так далее? Не проще ли все это пустить на самотек? Ведь в конце концов здравый смысл всегда победит, доброе зерно всегда даст всходы...

— Конечно, это кажется так. Инициативы сверху — вернее — и выгоден все-таки такой метод. Попытаемся все разобрать по порядку.

— Вы говорите, что при нашей системе планирования подготовки руководящих кадров учитываются интересы специалиста. Да, это так. Но рассмотрим тут же и другую сторону этого процесса — интересы треста, Противоречат ли они друг другу?

— Конечно, против. Любая организация, любому производству? Знающий, энергичный, инициативный, оптимальные решения. Это истина. Когда лучше всего могут проявиться такие качества? Когда человек видит перед собой перспективу. Будет стараться искать новое, выгодное решение, если знает, что его поиск будет замечен, оценен, а сам он сможет в дальнейшем получить работу, где его деловые качества проявятся еще раз, а ведь это и есть главное преимущество, нашему обществу вообще. Ведь экономика средств, повышение производительности труда, сокращение сроков сдачи объектов производств — это сами по себе. Все это результат творческого подхода людей, их поиска более простого или выгодного решения в сравнении с тем, что было запланировано раньше.

— И если специалист знает, что он не может сделать шаг вперед до тех пор, пока хорошо не освоят ранее пройденное, он будет стараться лучше и быстрее освоить это пройденное. Он учится.

— К тому же существует такое понятие, как «эффект домино», его отменить мы не в силах. Известно, что человек лучше всего может усваивать новую информацию до 40—45 лет. Иными словами, он может учиться до этого возраста. Дальше — это требует гораздо больше усилий. Это правило, исключение только подтверждает его.

— Значит, мы должны успеть научить специалиста руководить до 40—45 лет. Позже дай-то же вперед — вперед — трудно. Давление вперед — это освоение нового, это учеба.

— Что же остается делать тем, кто переступил эти возрастные рубежи? Уходить в отставку!

— Отнюдь нет. Я говорил, что до 40—45 лет идет процесс накопления знаний. Позже — отдача их. И тем ценнее будет работник, тем больше он может отдать, чем больше он успел познать, чем больше его опыт.

— Но в вашей семье есть подвидный каменный, у которого может разбиться прежде всего благополучие вашего треста. Допустим, что выпускник вуза успел пройти за десять или пятнадцать лет усил должностную лестницу в вашем управлении. Условно он стал главным инженером. Но в какой момент времени достиг потолка. Чтобы расти (предполагая, что он достоин этого), ему нужно переходить в иную организацию, на более высокую должность...

— Несомненно...

— Но тогда ведь же трест потеряет опытного, знающего, энергичного работника, на воспитание или, если хотите, на создание которого затрачено столько сил! Неужели вам не жалко будет с ним расстаться? Тяжело в жизни делового человека это слово — расставание.

— Да, тяжело. Но разве легче оставить у себя человека, который шел-шел вперед и вдруг остановился? Перспектив никакой. Все пройденное — неинтересно. Это порождает апатию, безразличность. Из отличного работника через несколько лет он становится заурядным.

— И вы никогда не задерживаете своих людей специалистами?

— Никогда. Если, конечно, их увидит и поведет работе треста. Но если я знаю, что человек способен еще расти, значит, я знаю, что он способен на большее, я сам его рекомендую на другую работу. И, знаете, еще ни разу не раскисал в своих рекомендациях.

Юрий Додолев — журналист, молодой литератор. Его первая повесть посвящена войне, которую автор прошел с солдатскими мальчишками на Алтае. Автобиографическая эта повесть — своеобразный документ, достоверное и точное свидетельство участника событий о мелких бытовых войнах, о любви советского солдата, ее жестокости и чуждого непоколебимой стойкости привнесла как и победы.

Сегодня мы читаем повесть Юрия Додолева, рассказывающую о первом боевом крещении, которое прошел ее герой, восемнадцатилетний солдат.

Хали мы трое суток, а на четвертые сутки остановились, лягнули бумерами.

— Вы-и же а-а... — покатылся от паровоза. «Вы-и же а-а» — это так, приближаясь к нам становясь все громче, обрывает новыми звуками, пока не превратится в пронзительное наяривное слово «выгружайся», обозначающее конец пути.

После команды в нашей теплушке поднялся суматоха, которая происходила, когда поезд прибывает на промежуточную станцию. Все одергивали на себе гимнастерки, закинулись в сиденья пожимки, натянули улыбки и обращались друг к другу, понизив голоса.

В этом поведении не было ничего необычного, противоестественного, ибо все наша теплушка, как, впрочем, и весь эшелон, состояла из солдат-переходков — тех, кто еще не изжил порока и в войне судит лишь по кадрам кинохроники и рассказам бывалых людей.

Неожиданно я почувствовал, как страх, противный, липкий страх, обволакивает мое сердце. В тылу фронт представлялся чем-то расплывчатым, а дыма не о пухляк и снаряды, которые могут испепелить меня и даже убить, а о подвигах, орденах и медалях. А сейчас я слышал, как гиргарт артиллерия, и отчаянно трусил, потому что это был не абстрактный, а вседневный фронт: усиленно выстреливая канонада лишь подтверждала близость и неизбежность того часа, когда я буду стрелять в ответ, а «он будет стрелять в меня, и еще неизвестно, кто из нас — «он или я» — останется в живых, чтобы наслаждаться жизнью, радоваться небу, пугать задернутым, как мехом, обливанию, но способному в один прекрасный миг дать простор солдцу, к которому тычется все живое, ибо мертвые на него не влияют.

Я думал хотел остаться в живых и потому трусил. Я трусил, но в то же время думал: «люди проливают кровь, гибнут, а я труслю, как щенок. Это мерзко, гадко, это постыдно в конце концов!» Стараясь не показывать солдату, а мне страшно, я начал осыпать себя вихором самыми по-солдатски словами: «мы трусы заслуживая этого, и кто другой, как не я сам, мог в этой обстановке встрянуть меня!» «Подонки, слизняи...» — бичевала я сам себя, основан в этом моральное удовлетворение и то успокоение, в котором нудился мой нервный, возбужденный близостью фронта, и в то же время, как и в любой другой, я был не трус, что в мой солдатский книжке под нерусской фамилией Велодера недаром написано «русский».

«Лечь бы не убило!» — подумал я и спрянул на ясель. Несколько камней скатилось вниз, в мышное болото, посреда которого стоял наш эшелон.

Ни станции, ни сторожевой будки — ничего не было. Лишь кое-где возвышались островки, поросшие халыми тустиками, да виднелись «кочкара», наполненные гущающе-черными жуками. За болотом — километр в шесте-семью — тамнела узкая полоска леса, показавшиеся мне не настоящим, а словно бы нарисованным. Одноколейный путь уходил куда-то вправо, скрываясь за высокой насыпью.

Каждо теплушка спускался, состав дернулся и стал гудеть, постепенно набирая скорость. То, что состав пошел не вперед, а назад, липкий раз убедило меня в близости фронта.

Около нас суетились офицеры с обветренными лицами, в прожженных, прожженных шарфами шинелях, совсем не похожих на наших — новенькие, выданные нам по случаю отправки на фронт. Офицеры то и дело подзывали к себе начальника эшелона — капитана с воспаленными от бессонницы глазами и полковой смелой, распухшей от документов, которая была его по-старому, когда он трусил в офицером в своих огромных, не по росту сапогах, но офицерски — хромовых, а в самых обыкновенных — солдатских, с широкими голенищами.

Нас построили в три шеренги прямо на насыпи, стоять на болоте было тяжело: ноги тотчас оседали в мох и начинали медленно погружаться в вязкую, дурно пахнущую и пускующую пузыри грязь. Прошлые обычные команды: «вперед!» «смирно!» «вольно!» — после чего моложавый подполковник с держким взглядом поздравил нас с прибытием на фронт.

— Вы будете драться с теми... — сказал подполковник, — кто обстреливал Ленинград, кто насковал ввдич невест и сестер, убивая ваших отцов, по чью вине погибли тысячи таких же солдат, как и вы.

«Верно!» — подумал я и вспомнил поросшие травой холмики, которые то и дело возникали перед нашими глазами, когда мы ехали на фронт. Это были не скопления мошки Братиславы, а поджарые, а русские за исключением. В лесах и на пригорках, у дорог и в поле дымится эти холмики с пробивающейся на них травой. Сама природа украсит холмики эти, когда поднимется трава.

Перед тем как идти:

— Нае-а-а!

Оспаленный под ногами щебень не позволил выполнить поворот с холмика, так как учил нас в запасной полку старшина роты, но на это никто из офицеров-фронтальной не обратил внимания.

— Шаги арш!

Шеренги шевельнулись, и мы пошли по узкой, едва заметной тропке,

протянувшейся через болото, к тамневшему за ним лесу. Мы шли в затылок друг другу, а под ногами хлопала и чавкала маслянистая болотная жижа. Проклятые американские ботинки проглатывали воду, как сито, портняги отсырели, набудли, я почувствовал, как нам сдалась склизнящая глина, липкая и густая, неприятно холодная грязь.

Впереди меня шел Витка Солодов, с которым я ехал в одной теплушке. Был Витка хрупкой, тонкой в кости и застенчив, как красная девочка. В теплушке на него все покормивали, говорили за него и за маховой, которую продавали на транзитных базарных безголоволю дяди и сварили струхи с коричневых, изразными морщинами лицами. Мне надоело смотреть, как помыкают Виткой, и на второй день пути, когда его стучали снаряды, как по камням, я сказал ему: «Витка, мы выдвинем из стен неплотно битые гвозди. Я все ждал, когда же налетит конь, потому что никак не могу ино и орзает: «он всегда налетает во время марша, но никак-и... ни немички, ни наши — самолеты в небе не было, оно мушкетировало облаками и совсем не пошлоло на востенке, когда от голубины болно гласам.»

— Отстань! Пусть тот, кто чинит коня, сам свистает.

На меня покосились, но ничего не сказали. А если бы и сказали, то я сумел бы постоять и за себя и за Витку.

По болоту мы толкали часа полтора, проваливаясь по колено в вязкую топь, выдергивая друг друга из жидко-чавкавшего эшелона, как выдергивают из стен неплотно битые гвозди. Я все ждал, когда же налетит конь, потому что никак не могу ино и орзает: «он всегда налетает во время марша, но никак-и... ни немички, ни наши — самолеты в небе не было, оно мушкетировало облаками и совсем не пошлоло на востенке, когда от голубины болно гласам.»

Перед самым лесом болото неожиданно оборвалось, превратившись в мокрый луг, поросший осокой.

В лесу дымился полевая упряжь. Нам накоренили вьюсны и сальны вареном, в котором ложка стояла, как солдат на посту. Я смолотил полковника с добавкой и подумал: «Такой суп в тылу толку во мне может принести».

После обеда на грубо сколоченную, плачущую сладкой страдой поднимались артисты из дивизионного ансамбля, и начался концерт. Сердник в хромовых сапожках, чистенький и ажурненький, словно только что сошедший с витрины венторага, спел с чыгнским надьяром «Ветса в тесной лужурке огони, парень, и девурани, таме серванты, сплсали «барыню»... Показавшись выступили старшина и членки канцелярии.

— «Убей его!», стих Симоненко — сказал он.

Это стихотворение я знал наизусть и очень любил его, потому что в нем каждая строчка звучала, как побед.

Старшина не прочитал это стихотворение, а отбарабил: «В окопы бы тебя, гладыго!» — с неприязнью подумал я.

Потом нам раздали оружие.

Мне досталась винтовка, на прикладе которой, словно шары, белили зарубки — шесть штук. Муть ниже их стояло: «В. М.» Я понял, что бывший владелец винтовки, имя которого, по всей вероятности, начиналось на «В», а фамилия на «М», уложил шестерых фрицев. Я увидел в этом хорошую примету. Заложилось узнать, кому принадлежала эта винтовка и что стало с ее владельцем, составив историю винтовки и членки канцелярии, а не палить из винтовки от этого у सदолового серванта в промасленной гимнастерке, который выдал нам оружие.

Сервант взглянул на меня с веселым недоумением, вытер потешую ручищу и сказал:

— Вымуштровал тебя хорошо. А стрелять научил!

«Никак нет!» — хотел рвануть я, но спохватился.

Стрелять я умел лишь теоретически. На стрельбе нас в учебном полку не водили. Из-за отсутствия в бронеполю в радиополу, откуда меня отпустили всего неделю назад — у меня никак не шел прием на спух. Несмотря на все старания, более двадцати часов в минуту принять я не мог, в требовало принимать минимуму шестьдесят. Командир радиополу и другое начальство, видимо, считали, что слушать стрелять не придется, что же дело — переправлять армейские радиоприемники, а не палить из винтовки и пулеметов. За четыре месяца, проведенные в полку, я всего раз пять или шесть держал в руках настоящую винтовку. Во время занятий нас «вооружали» деревянными карабинами, которые не имели затвора, магазинчик и годились лишь для выполнения артикулов. Настоящие винтовки выдавались нам только во время несения караульной службы.

Перед выходом на пост каран проводил инструктаж.

— В случае чего нажимай на это... Каран показывал на спусковой крючок.

Стоя на посту у жидко-инбуда склада, я боролся с искушением пальнуть просто так, а потом сказал, что к складу приближались подозрительная личность, не отговариваясь на окрик. Все это промелькнуло в моем мозгу, но не сразу же, и я сказал себе, что сдержу, что и сдержу, что и сдержу. Ну, ну, ну... Он усмехнулся и посоветовал мне не очинь-то вытаскивать, потому что на фронте главное не выправка, а личная отада, смекалка, чистую лояль.

Слова серванта-фронтаного плохо влились с тем, чему учил нас старшина роты, утверждавший, что для солдата главное — выправка, а потом уж все остальное. В моей голове складалась такая путаница, что я чувт

было не забыл, зачем подошел к сержанту. Но он мой вопрос помнил. Взглянул на приклад, сказал:

— Вынтошка эта старенькая — у многих побывала. Тот, кто зарубки оставил, удачливый был — воевал долго, потому что это не так просто шестерых уложить, особенно в обороне. А кто он — не знаю. Через мои руки столько солдат проходило, что уж и разную зарплату, коль вспомнить нанашь. Может, ранен тот боец, а может, и убит: тут зимой тяжелые бои были.

Я и сам видел: тяжелые. Многие деревья в лесу не имели макушки, срединные сгнивали; расщепления стволы с вывороченной древесины, обгоревшие и выжженные, остались, как загорелые напольные солдаты, которые уже никогда не вернутся в строй. Лес был зарыт траншеями, на каждом шагу попадались глубокие, как раны, воронки, наполненные водой, подернутой изумрудной цвелью.

Во второй половине дня нас отвели на позицию. Я и Витка попали в один отделин.

Пройдя километра три — где в роще, а где по полю, — мы очутились в окопе, среди тех, бок о бок с кем нам предстояло воевать.

В окопе, из стен которого выкатывались вытуканным, брестскими бусинками вода, кроме нас, находилось еще трое солдат. Остатки нас взглядами, в которых сквозил кауцусеве равнодушие все же проскользнула живейший интерес к нашим персонам, старички, как мысленно окрестил я их, продолжали заниматься каждый своим делом. Один из них — крупный миш амуско — легкомысленный вид, подышал к гимнастерке подворотничок, другой — длиннолицый, костлявый — гряз с ушлыми видом сухара, маякая его в кружку с помитными боками, третий — с двумя личками на погонах, командир отделения, как догадываю я, — инстинктивно, полагая на грязную тряпку и любовно проводя ладонью по локву трезьяненьки.

— Родом вы откуда, хлопцы? — спросил нас младший сержант, когда мы ослышались.

— Я из Москвы, — сказала я.
— Из самой? — удивился младший сержант.
— Из самой, — ответил я и приготовился отвечать на разные вопросы, которые возникали всегда, когда солдаты узнавали, что я москвич.

На этот раз разговор о Москве не удался: в окопе появился еще один солдат — невысокого роста, с двумя орденами Славы на вышуглой груди, задорно вздернутым, обдумывавшим из загара носом и щетиной на скулатом, продубленном ветром лице.

— Пополнение! — весело спросил солдат. От него снега пахалою водой, а в sorriso, почти выцветших глазах прыгали выцветшие искорки.
— Пофарино, пофарино! — говорил орденник Славы младший сержант.
— Ага, — охотно откликнулся солдат. — Комбат подает. За фрица того самого, Икряной фрица оказался. К третьей Славе за него представляють. Буду теперь я, ребята, горьковский кавалер, как братан мой старший.

Солдат проговорил все это — комсомольски интонацией, словно речь шла о чем-то смешном, пустяковом. В первое мгновение я так и воспринял слова солдата, а потом рассудил, что Слава первой степени ни за что ни про что не дадут, что солдат, видя, совершил настоящий подвиг. То, что солдат не хвастал, удивило меня, а из его мести, наверное, не покажется бы Глаза смыкались. Я вернулся на бок и подумал: «А дома, наверное, даже не подозревают, что я уже на фронте».

— Значит, пофарино, Петрович! — спросил младший сержант и вздохнул.

— О вас тоже позаботились! — сказал Петрович и извлек из-за спины флажку, болтавшуюся у него на ремне.

— Вот это и понимаю! — воскликнула младший сержант.
— Паданная нальма! — спросил Петрович.

Командир отделения поглядел на нас.
— Употребляете?

Мы с Виткой помолчали понахмурившись.

Младший сержант хмыкнул неопределенно, а Петрович сказал:

— Ну и правильно! Ничего хорощего в ней, вода, иету. Это нам, старичкам, без нее скушествовать, а вам, младшим, приврать бы не след. Длиннолицый старик из «кордара» бану тушенки и ловко спросил ее кривым ножом, который поддал ему под солдата, который вначале сидел в нагельной рубашке. Теперь он уже обналчился в гимнастерку и держал в руках две кружки, не сводя глаз с флажка — пузатенькой, как маленький бочонок, вдетой на шеего человека.

Петровиче разлил булькающую и неприятно пахнущую жиждость в подставленные кружки. Старички чокнулись.

— Ну, чтоб в живых остаться и до ста лет прожить! — сказал Петрович и опирнувшись в рот кружку. Сморщился, похрюкал широким, как выдутой, прокутливой перепончатостью от нева вагон и толкача маленькая, а жить без нее нельзя, особенно когда в болоте стоишь.

Старички подогнулись и налегли на тушенку. А я подумал: «Фронт же тут! Немцы грабят, километр всего, а иню охоть бы это. Видать, привели же. Видать, что-то и до окопа, до окопа, до окопа».

После трапезы Петрович достал из вешешка осколок зеркала, прильнул его у котелка и стал бриться. Он сдвинул щетину бритвой-самоделькой и крыль по краю эвонгорт, в котором-де, оронья бедушедущих разных, ничего путного нету.

Покончив с бритьем, Петрович освежился трюфийным деколоном и сказал, обратившись ко мне:

— Слышь-ка, парень, сапоги тебе в бок добуаю. Понесей сыймай. Без сапог тут нельзя — болото. Завтра, бог даст, сапогами обаводешишь, не убьют сыймай. Завтра бок добуаю.

— Завтра? — удивился я. Я, желая показать, что я парень не промах, деловит: — А может, послезавтра?

— Может, и послезавтра, — легко согласился Петрович. — Но скорю. Это уж точно. Вонючие, все пригнались — пополнение. Во второй, начальства тут вонюк пошлет, а ты скорю. Сам командир был. Бон добуаю высоту к брату будем. — Петрович выгнул из укрытия и показал на зеленевшую вдалеке высоту, опсанную колючей проволокой и затпую лучами заходящего солнца.

В стороне от высоты, притиснувшись к реке, стояла деревянная дюрка на двадцать, почерневшая от пожаров и, казалось, вымершая. Отчетливо виднелись остовы больших деревянных печей, возвышавшихся среди развалин — обгоревших бревен, вывороченных с корнями яблонь, мусор. Я глядел на все это с чувством, как мое сердце обливается кровью. «Старички! Какие же они солдаты!»

— Глянь-ка, кошак! — неожиданно воскликнул Витка.

Я посмотрел, куда показывал он, и увидел кошку — обминовенную серую кошку, крадущуюсь по бревну.

— Кошка! Кошка! — крикнул тогда младший сержант Петрович. — Одна во всей деревне. А людей нет. Каким поубояло, а какие сами ушли! — от греха подальше. От всей деревни кошка осталась.

Витка глядел на кошку, полукотурясь, рот, выткнув шню, улыбаясь, и я подумал, что кошка, делаясь, напоминая вмиг дом или еще что-нибудь. Я счел кошарку. Я так подумал, потому что, эта облезлая кошка и мне напоминала нас обожженных пылами московской двор, по которому разгуливали такие же кошки.

— Сколько таких деревьев позади нас и впереди еще! — задумчиво сказал Петрович.

— В самом деле — сколько? — подумал я.

— Вот за деревенку и за другие такие же неизвестные мне деревушки я буду драться. И драться надо так, чтобы не оставил, чтобы застрять отбить деревушку.

Я сказал об этом Петровичу. Он обзавел меня солгаты.

— Высота-то господствующая, — объяснил он синхронительно. — С нее все, как на ладошке, видать. Второй медок бьется за высоту и все немцы не осилит. Нам второй раз по десятку на день ее бинкомлет штурвет. — Я глядел срынувшись на высоту, которую поставил самовольно. Петрович отстал нас за ступеньку, раздвинувшись в омут, и показав на влоные ветки, сказал:

— Лягайте тут, хлопцы. Утро вечера мудренее.

Я лежал лицом вверх, заложил руки за голову, и смотрел, как меркнет небо, теряя свою голубизну. Голубизна уступала место пепельной росады, обминовившей все вокруг. Пахнувшая землей сырость и прохладный струившаяся сверху, пронизывала меня до костей. Я старался не думать о предстоявшем бою, хотя не сомневался, что он будет, и будет скорым, мол, иступать. Страх куда-то протаял, исчез бесследно. Будто лежал я в поле — тихом и нестрашном, и не было никакой войны.

— Стелмело. На него высыпали крупные зенды. Витка спал, прижавшись ко мне, и от него шло живое тепло. «Он ложон на мальчишку, я не со спавать, — лениво подумал я и решил, что никогда и никому не дам Витку в обиду.

Та-та-та-та... Где-то там, у немцев, замолотил куражилиберный пулемет, и по нему понеслись, догоняя одна другую, трансирюющие пули. Это мне не вызвало у меня страха, потому что трансирюющие пули напоминая ли сабоярера. Да и сам они не в нашу сторону, а на левый фланг, куда, где начинался основной подлесок, вклинившийся в нейтральную тупод.

— Психуяй, гады, — сонно проворкотал Петрович.

Младший сержант чмокнул меня в щеку, и я не разобравшись.

Глаза смыкались. Я вернулся на бок и подумал: «А дома, наверное, даже не подозревают, что я уже на фронте».

С мыслями о доме я уснул...

Пробудился я от вол пролетающих, казалось, над самой головой снарядов. Они пронеслись с неприятным, рассеивающим воздух свистом. Спросил мне померещилось, что снаряды летят прямо на меня. Сердце вынуло, но я тут же понял, что это наши снаряды и что летят они на высоту. Я вскочил и выгнул из окопа. Коричневая земля, смешанная с пороховой дымкой, поднималась над высотой, заставляла на мгновение в воздухе и обуривалась вниз, где притисались немецкие блиндажи, скрытые деревьями и кустарником.

— Молоды артиллеристы! — громко сказал я и выругался: мне хотелось сказать не так, а потому, что я не испытывал никакого отсутствия страха.

Витка стоял подле меня, как прирельный, и это начало раздражать и злить меня: мне казалось, что я, длинный, и он, коротышка, должно быть, выглядил со стороны смешно. Мне не хотелось, чтобы сейчас, в этот ответственный для меня день, кто-нибудь засмеялся надо мной.

Ветер, поднимавший над высотой, заставлял на мгновение в воздухе и обуривалась вниз, где притисались немецкие блиндажи, скрытые деревьями и кустарником.

— Молоды артиллеристы! — громко сказал я и выругался: мне хотелось сказать не так, а потому, что я не испытывал никакого отсутствия страха.

Витка стоял подле меня, как прирельный, и это начало раздражать и злить меня: мне казалось, что я, длинный, и он, коротышка, должно быть, выглядил со стороны смешно. Мне не хотелось, чтобы сейчас, в этот ответственный для меня день, кто-нибудь засмеялся надо мной.

Ветер, поднимавший над высотой, заставлял на мгновение в воздухе и обуривалась вниз, где притисались немецкие блиндажи, скрытые деревьями и кустарником.

— Молоды артиллеристы! — громко сказал я и выругался: мне хотелось сказать не так, а потому, что я не испытывал никакого отсутствия страха.

Витка стоял подле меня, как прирельный, и это начало раздражать и злить меня: мне казалось, что я, длинный, и он, коротышка, должно быть, выглядил со стороны смешно. Мне не хотелось, чтобы сейчас, в этот ответственный для меня день, кто-нибудь засмеялся надо мной.

Ветер, поднимавший над высотой, заставлял на мгновение в воздухе и обуривалась вниз, где притисались немецкие блиндажи, скрытые деревьями и кустарником.

— Молоды артиллеристы! — громко сказал я и выругался: мне хотелось сказать не так, а потому, что я не испытывал никакого отсутствия страха.

Витка стоял подле меня, как прирельный, и это начало раздражать и злить меня: мне казалось, что я, длинный, и он, коротышка, должно быть, выглядил со стороны смешно. Мне не хотелось, чтобы сейчас, в этот ответственный для меня день, кто-нибудь засмеялся надо мной.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Я влез, перепачкав колени, и побегал за Петровичем, перепрыгивая, как и он, с кочки на кочку, чувствуя, как пружинит под ногами насыщенная влагой земля.

Витка бежал медленно, неуемло держа чересчур длинную и тяжелую для него, недомерка, винтовку. Нас стали обгонять.

— Подожми! — прокричал Петрович.

Мы навалили и побегали все вместе, одной кучей, ощущая запах пота и слыша дыхание друг друга.

— Сейчас как жбанец! — подумал я.

— Рассредоточил! — крикнул взводный, оглувшись назад.

Взвод рассредоточился, образовав цепь, и мы, человек двадцать — двадцать пять, устремились к высоте, как одна волна, улупага и сильная.

Наш взвод шел в атаку крайним справа, чуть поотстав от других взводов. Мы приближались к опушке низкорослого осинового перелеска, вклинившись в нейтральную полосу. Когда до перелеска осталось метров сто, из него выскочили две «тридцатьчетверки». Срезав угол, они круто развернулись и пополнили к высоте, прикрывая нас своей броней.

Было тихо. Только лягали гусеницы да чавкала под ногами топь. В нас никто не стрелял, и я подумал, что атака не так страшна, как об этом рассказывают. Не успев я так подумать, как — взмож! — над мной ужом прыгнула пуля. Моя голова инстинктивно дернулась вбок, и я с ужасом почувствовал, как меня снова опутывает страх — тот самый страх, от которого я, казалось, избавился навсегда.

Взвизгивали пули. Я бежал, пригнувшись, вобрав голову в плечи, борясь с искушением броситься на землю, прижаться к ней, смириться с ней. Я, впрочем, так и поступил бы, но все бежали. Бежал и я, удивляясь лишь тому, что никто не кричит «ура», все трамбуют ватообразную, похомуку на ступень землю молча, сосредоточенно, словно исполняют какую-то работу. Я подумал, что надо обязательно крикнуть «ура», как об этом пишут в книгах и показывать в кино.

— Ура-а! — Мой голос прозвучал сильно, неуверенно.

До высоты оставалось совсем немного, когда забрехала с нею, словно пест, пушка-скорострелка и заухали минометы — все то, что уцелело от артыла.

Наш взвод стал нести потери: упал один, другой, третий.

Грохотому следы. В нос ударили кисловатый пороховой смрад. Воздушная волна толкнула меня в спину, и несколько комьев морской земли упало мне на каску. «Вот оно!», — подумал я, но не почувствовал боли и понял, что на этот раз все обошлось.

— А-а-аа! — Витка победилел и ринулся назад.

— Куды, мать твою! — Алдизий сержант схватил его и крутанул, словно в землю хотел винтить! — Под трибунал хотишь, паршивец!

Спотыкаясь, Витка снова побегал к высоте, широко раскрыв остеклевенные от ужаса глаза. Он бежал чуть впереди меня. Я видел Виткины ботинки в серой грязи и старался догнать его. Неожиданно Витка сделал несколько неуверенных шагов и, вытупив из рук винтовку, тинуся головой в землю, подбрав под себя тощие, перевертые обмотками ноги.

— Я остановился и туло посматривал на него.

— Готов! — сказал Петрович.

«Готов», — повторил про себя я, еще ничего не понимая. И тут же, когда смысл этого слова дошел до меня, бросился к лежащему в неестественной позе Витке.

— После, посла, парень! — сердито проговорил Петрович и легонько подтолкнул меня вперед.

Задыхаясь от тяжелого бега, глатывая горькую слюну, я хотел сказать ему, что ведь это же Витка, что это парень, с которым я ехал в одной теплушке, с которым еще вчера пил из одной кружки чай, по-братски разделял последний кусок сахара, выданный нам на три дня вперед. Но вместо слов вырвалась глухая вскрик.

— После, посла, парень! — повторил Петрович и махнул рукой, показывая на высоту.

Я взглянул последний раз на Витку и, ничего не соображая, побегал вперед. Может быть, от душившего меня навстречу ветра, а может быть, от чего другого, но мой мозг прояснился, и я с ужасом подумал, что, в сущности, ничего не знаю о Витке, потому что познакомился с ним только в теплушке, что он в моем представлении навсегда останется слабым парнишкой, полуроботом.

Неожиданное омикновение овладело мной. Наверное, пальцы, сжимающие винтовку, побелели у меня в тот момент. Но я ничего не видел, ничего не чувствовал. А гад! — шептал в жесткими губами. — Ах, гадлы. И бежал вперед, неотвратно глядя на высоту. Я легко обогнал прикрывавшего меня чью-то Петровича.

Танки ударили по немцам. Блиндамкая прямая наводной, а мы устремились сквозь проходы, продлеваемые в колючей проволоке, на ее круглой склон. И тут я увидел допозаго, что ступилового фрица, взвращающегося на крутой склон. Изерада он оборачивался. Когда он поворачивался, его автомат плыл у него в руках. Немец стрелял.

— Ах, гад, ах, гад! — пробормотал я, не сводя глаз с этого фрица.

Расстояние между нами сократилось. Мы оба — что-то кричали. Он, должно быть, от охватившего его страха, а я от азарта, от бующей во мне злости. Я видел везущему на шею фрица и слышал запах его пота.

«Еще чуть-чуть! — подумал я и рванулся вперед. В это время что-то громко рздал. Последней вспышкой своего сознания я почувствовал, как мой штык вошел во что-то ягкое, податливое.

— Получай, гад! — прошептал я. В желтых, красных, синих кругах, проплывавших передо мной, я увидел Витку. Он лежал, подогнув к животу ноги.

Я почувствовал, как меня тянет к земле, как трудно стоять на ногах. Цветные круги заветрелись быстрее, и все исчезло...»

25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

9
МАЯ
1945

БОЕВОЕ БРАТСТВО

ОД

Беседу
с министром
Национальной
Обороны
Польской
Народной
Республики
генералом брони
Войцехом
ЯРУЗЕЛЬСКИМ
и репортаж
о действиях
разведчиков-
парашютистов
Войска Польского
ведет
специальный
корреспондент
«СМЕНЫ»
Евгений Месяцев

Фото автора
и Польского
военного агента

ИЗ КАКИХ РОДОВ И ВИДОВ
ВОЙСК СОСТОЯТ ВООРУЖЕННЫЕ
СИЛЫ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕС-
ПУБЛИКИ? КАКИЕ ИЗ НИХ ОСО-
БЕННО ПОПУЛЯРНЫ СРЕДИ ВАШЕЙ
МОЛОДЕЖИ?

В состав воинов Вооруженных Сил
входят: Сухопутные войска, Военно-
Воздушные Силы, Войска противовоздушной
обороны и Военно-Морская
Флот. Каждый молодой человек, гражда-
нин Польской Республики (если его же-
лание отвечает потребностям службы),
может попасть в ряды Вооруженных
Сил, который наиболее соответствует его
вечности и профессиональной
подготовке.

Особой же популярностью у моло-
дежи пользуются те войска, в кото-
рых к характеру и мышлению моло-
дого человека предъявляются самые
высокие требования, где буквально
повседневно нужно проявлять муже-
ство и стойкость, где, наконец, роман-
тика особенно явняет на воображе-
ние. Я говорю о десантных, морской
пехоте («голубые береты»), летчиках,
моряха, таквистах.

НАВЕРНОЕ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ В
ПОЛЬШЕ МОГУТ ЗАРАНЕЕ ПОДГО-
ТОВИТЬСЯ К СЛУЖБЕ В ТАКИХ
ВОЙСКАХ?

Многие харцерские (пионерские) от-
ряды принимают знания и символы
определенных родов войск. Тогда же
молодежь знакомится с избранными
военными специальностями. Харцеры
поддерживают постоянный контакт с
воинами. Замечу, что это всего лишь
одна из многочисленных форм повсе-
дневного сотрудничества молодежных
организаций с воинскими коллекти-
вами.

ТОВАРИЩ МИНИСТР, СУЩЕСТ-
ВУЕТ ЛИ В ВОЙСКЕ ПОЛЬСКОМ ЦЕ-
РЕМОНИАЛ ПОСВЯЩЕНИЯ В ВОЙ-
НЫ? РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
КАК ЭТО ОБЫЧНО ПРОИСХОДИТ.

В принципе таким актом является
принятие присяги. В этих очень тор-
жественных церемониях участвуют
представители местных властей, моло-
дежных и общественных организаций,
родственники, близкие и друзья вои-
нов.

Если же говорить об офицерах, то в
них жизни наиболее торжественным
моментом остается выпуск в военных
училищах. На этих торжествах члены
руководства Министерства национальной
обороны и представители высше-
го командования воинов Вооруженных
Сил от имени верховного органа го-
сударственной власти — Государствен-
ного Совета — совершают акт при-

своего первого офицерского звания. Поспешнее в офицеры, как правило, проходят из самой большой и красивой площади города, в котором расположено училище, при массовом участии общественности. Сам акт посвящения, по традиции, выражается в присвоении псковской стороной сабли к плечу офицера.

Затем молодые офицеры, выпускники всех школ, приезжают в Варшаву. Здесь у мотива Неизвестного солдата, они присягают на верность своей Родине (скрипка, эту скрипку дают и преподаватели высших органов партийной, государственной и военной власти). Торжества проходят при участии молодежи и жителей Варшавы. Кроме того, в течение нескольких дней пребывания молодых офицеров в столице они встречаются с рабочими варшавских предприятий, молодежью и властями столицы. Офицеры принимают представств научного мира, войны посещают спектакли варшавских театров, исторические места.

ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ЕЩЕ СКАЗАТЬ О СОВРЕМЕННОМ ОФИЦЕРСКОМ КУРСЕ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО?

Любая армия, как известно, должна располагать и современным офицерским кадровым составом. Мы им располагаем. Наиболее оमितное родо Войска Польского составляют офицеры-ветераны, прошедшие в плену с победоносной Советской Армией боролся с фашизмом в регулярных фронтовых частях или народных партизанских отрядах, участвовал в освобождении нашей Родины. Их богатый опыт перенимают и развивают молодые офицеры — ровесники и воспитанники народной Польши.

На нынешней офицерский состав вырос из народа, беззаветно предан делу социализма и руководящей силе народа — Польской объединенной рабочей партии. Наш офицерский корпус всемерно подготовлен к своей профессии. Самые тридцать процентов офицеров — это люди с высшим образованием. В ближайшем будущем каждая из двадцати офицерских школ будет иметь диплом об окончании высшего учебного заведения.

Уже не раз в часах трудных испытаний офицеры народной Польши Польского держали экзамен на патристическую и интернациональную зрелость. На нас всегда могут рассчитывать народ, партия и народная власть. На нас могут рассчитывать наши союзники — воины Советской Армии и других братских армий социалистического социализма.

КАК ИЗВЕСТНО, МОЛОДОЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПЕРВОУЧАЩЕЙ АРМИИ ОБЫЧНО ПОЛУЧАЕТ ОДНУ ИЛИ ДВЕ ГРАЖДАНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТИ. А КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ НАРОДНОЕ ВОЙСКО ПОЛЬСКОЕ? КАКИЕ ЧИСТЫЕ МИРНЫЕ НАВЫКИ ПРИНИМАЕТ ВОЕННАЯ МАШИНА ПОЛЬСКОГО ЮНОШАМ?

Войны, которые уже имеют специализацию, могут и дальше совершенствовать знания, повышать навыки, а значит, и превращать их в более высокие классы своей военной профессии. Во многих случаях это высоко ценится и используется в народном хозяйстве. Однако независимо от того, чему мы учим воина (я имею в виду вока его чисто военную специальность), в военных частях открыты специальные курсы, которые, над удовлетворением потребностей национальной экономики и желанием многих воинов, готовят специалистов, наиболее ценных и нужных в нашем народном хозяйстве. На этих курсах можно стать оператором межконтинентальных ракет, трансформатором автомобилей, линником сельского хозяйства и так далее. Окончив курсы, воины служат государственными экзамен, получают дипломы и квалификацию в соответствии с общегосударственными положениями.

Должен заметить, что руководители промышленных предприятий очень охотно принимают демобилизованных военных специалистов, ибо знают, что вместе с высокой квалификацией РОДНЫМ ВЫХОДА из армия также много полезных навыков, необходимых в жизни и труде.

На всех вышеописанных и ответственных постах социалистического строительства мы используем отслуживших воинов народной Войска Польского. Они закалены, дисциплинированы, обладают чуждом ответственности и выдержкой в количестве. Мы стремимся к тому, чтобы слова «они всегда» всегда и везде отождавались бы с понятиями «средняя продукция», «активист», «элитный работник Польши».

ТОВАРИЩ МИНИСТР! ПОЗВОЛЬТЕ ТЕПЕРЬ ЗАДАТЬ ВАМ НЕСКОЛЬКО ЛИЧНЫХ ВОПРОСОВ.

Пожалуйста...

КАКИЕ КАЧЕСТВА КОМАНДИРА ВЫ ЦЕНИТЕ ВЫШЕ ВСЕГО: ИНИЦИАТИВУ, ОРГАНИЗАЦИОННОСТЬ, БЫСТРОТУ МЫШЛЕНИЯ ИЛИ СТОИКОСТЬ, ДЕЛОВОЕ РАСЧЕТ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ?

Хотелось бы, конечно, чтобы каждый командир обладал всесторонними способностями, представлял как можно более широкий охват ценных качеств. С другой стороны, известно, что в определенных ситуациях градация положительных свойств меняется. Там, где дорога каждая секунда, первоочередным становится надежность и инициатива. Действия более длительного характера требуют от человека систематичности, последовательности, выносливости... Вот и получается, что командир должен быть в определенных ситуациях обладать живой инициативой и последовательностью. Только умелое сочетание этих качеств обеспечит необходимую эффективность работы, создаст гарантированно творческих и успешных действий.

КАКИЕ ЛЮДИ ВАМ БОЛЬШЕ ПОНРАВИЛИСЬ: СПОКОЙНЫЕ ДЕЛОВАТЫЕ, РАССУДИТЕЛЬНЫЕ ИЛИ ЖЕ НАПОРИСТЫЕ, ЛЮБИЯЩИЕ РИСК, ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИМИ ИЗ ЭТИХ ЧЕРТ ДОЛЖНО ОБЛАДАТЬ НАСТОЯЩИЙ ВОИН?

Я думаю, что сила всех коллективов, и особенно воинских, в том, что они состоят из людей с различными индивидуальными качествами, характерами. Как убога была бы наша жизнь, если бы люди не отличались друг от друга.

Однако это не значит, что мы можем чувствовать себя свободными от обязанности формировать определенные личные качества и гражданский облик воинов. В армию приходят молодые, индивидуальные качества которых формировались раньше под влиянием семьи, молодежной организации, социалистической школы, производственного коллектива. Этот процесс еще не закончен, он продолжается. Продолжается в условиях военной службы, следовательно, в обстановке, требующей повышенного напряжения сил и энергии. Известно также, что в таких условиях более легко обнаружить положительные и отрицательные качества человека. Военная служба вынуждала на то, чтобы воспитывать гармоничных и всесторонних развитого человека, чтобы поощрять и развивать все его положительные стороны, устранять слабости и недостатки.

Особенно важно, чтобы воины были рассудительны, деловиты и одновременно смелы, энергичны, мужественны. Важно, чтобы они умели свое естественное юношеское стремление к приключению по-деловому и разумно уметь в русло полезной деятельности, чтобы вложить в риск не скрывающуюся лаварый смысл. В нашей армии деловитых много, чтобы создать для этого соответствующие условия. Одним из важнейших средств в этом направлении является такая ратническая любовь, чтобы из личного складности оптимально способствовать требованиям определенных должностей и функций.

МЫ ГОВОРИМ В ОСНОВНОМ О КАЧЕСТВАХ ВОИНА, ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ. РАЗРЕШИТЕ УЗНАТЬ, ЧТО БЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО УВАЖАЛИ ПРОСТО В МУЖЧИНЕ, В ЖЕНЩИНЕ?

Прежде и больше всего я ценю порядочность человека, патриотизм — патриотизма, активного члена общества, честного и добросовестного гражданина. Я ценю чуждое человеческое достоинство, чувство ответственности, ценю хорошие черты характера. Более конкретно? В женщине хотелось бы видеть воплощение стойкости, доброты и такта. В мужчине — смелость, решительность, национальную гордость.

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕМУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДОЛЖНЫ УЧИТЬСЯ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ?

Кратко я ответил бы так: жизнь. Дело в том, чтобы каждый человек своей жизнью и своей работой приносил пользу общему делу и одновременно в категории общественности приносил бы ему самому удовлетворение и личную радость. Учиться жить — это значит с каждым днем обогащать свой духовный и умственный багаж, это значит всесторонне и систематически проявлять в тайнах человеческих познаний, всегда помнить, что действительный смысл жизни заключается в категории общественности, его надо искать в добросовестном, активной работе, в службе другим людям, всему обществу. Только таким путем добывается право на активное и творческое участие в жизни.

ВЫ, НАВЕРНОЕ, ЗНАЕТЕ, ЧТО МНОГИЕ СОВЕТСКИЕ ВОЕННАЧАЛЬНИКИ ЛЮБИТ ОХОТУ, РЫБАЧЬЮ ДОВОДО. А КАК ВЫ ПРОВОДИТЕ СВОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ?

Должен заметить, что для военных людей, на которых возложена повышенная ответственность, выражение «свободное время», по-моему, — понятие относительное. Не чихая, а зараньше службы и должностные обязанности определяют продолжительность рабочего дня.

Я стремлюсь использовать, насколько возможно, немогочасные свободные минуты. Каждый новый день приносит столько интересного: новые книги, фильмы, спектакли. Но как и у каждого человека, у меня есть семейные обязанности, друзья... Как видите, время не позволяет мне увлечься только одной избранной областью развлечения или отдыха...

ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ, БУДУТ ЛИ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ ПРОДОЛЖАТЕЛИ ВАШЕЙ ПРОФЕССИИ ЯРЗУЛЬСКИХ?

У меня одна наследница дочка... В мирное время девушка, известна, не призывают на военную службу. Как все люди моей страны, как люди Советского Союза и всех других братских народов, и хочу, чтобы мы никогда не допускали той минуты, когда наши женщины вынуждены будут вступать за оружие, защищая Родину. Пусть всегда из важное общественное признание будет воплощаться в других этих полезных областях жизни во всех профессиях мирного труда.

ВАШИ БАЛЕНКИ ДРУЗЬЯ В СССР? ЧТО БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ИМ ПОЖЕЛАТЬ? ЧТО БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ПЕРЕДАТЬ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ?

Я особенно рад, что имея возможность возоблагодарить в своей жизни со многими прекрасными советскими людьми. С благодарностью я вспоминаю командиров офицерской школы в

Рязань, которые учили меня военной профессии. Я навсегда сохранил память о товарищах по оружию, с которыми столкнула меня судьба на боевых путях борьбы с фашизмом и которые, как братьям, нам помогали создавать, обучать свои народные Вооруженные Силы. Я питаю глубокое уважение к тем советским командирам и офицерам, с которыми мне довелось в последние годы и по сегодняшний день тесно сотрудничать при решении совместных проблем нашей обороноспособности. Я очень высоко ценю возможность контактов и сотрудничества с крупнейшими советскими военачальниками — видными маршалами и генералами Советской Армии, поставившими большую доброжелательность к нашему народу и его Вооруженным Силам.

Всем советским товарищам по оружию хочу пожелать, чтобы в их большой работе по укреплению обороноспособности Страны Советов, в их ответственной службе на страже безопасности народов мира и сохранении ими всегда существовавшего сознания того, что в лице польских воинов они всегда имеют надежных друзей, готовых при любой необходимости, в любой обстановке отдать все свои силы нашей совместной борьбе за мир и социализм.

— БЛАГОДАРИ ВОС, ТОВАРИЩ МИНИСТР. ПРИМИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗДРАВЛЕНИЯ ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНЫ» С ПРИБЛИЖАЮЩИМСЯ, ОЧЕНЬ БОЛЬШИМ ДЛЯ ВСЕХ НАС ПРАЗДНИКОМ — 25-ЛЕТИЕМ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ. МЫ ВСЕ ЗНАЕМ И ВСЕГДА ПОМНИМ ВКЛАД, КОТОРЫЙ ВНЕСЛИ ПОЛЬСКИЕ ВОИНЫ В ТУ ВЕЛИКУЮ БОРЬБУ. ПЕРЕДАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖЕЛАНИЯ СЧАСТЬЯ И УСПЕХОВ ВСЕМ СЛАВНЫМ ЛЮДЯМ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО.

— Спасибо. Если возможно, и я воспользуюсь случаем, чтобы передать свои самые наилучшие пожелания замечательной советской молодежи. Мне хотелось бы пожелать ей больших успехов в жизни и труде, много радости в жизни, а также самого большого удовлетворения, какое может дать только трудовое, плодотворное служение своей Родине.

● *Польша боролась с гитлеровцами с 1 сентября 1939 года по 9 мая 1945-го, то есть 5 лет 8 месяцев и 8 дней.*
 Потери Польши в мировой войне — 6 028 тысяч человек.

● *12 октября 1943 года под белогорскими лесами Ленчино операция в боях артиллерии 1-я некоторая дивизия имени Тадеуша Костюшко — цементирующий состав будущего народного Войска Польского.*

● *К важнейшим боевым операциям народного Войска Польского относятся: битва под Ленино, Дебляки — Пулавы, Варшавская операция, «Померанский вал», Померанская операция, Берлинская операция 1-й армии Войска Польского, Празькая операция.*

● *За сражение под Ленино 247 польских солдат и офицеров были награждены боевыми орденами и медалями СССР. Трое из них стали Героями Советского Союза.*

Репортаж о действиях разведчиков-парашютистов Войска Польского

КТО ВЫ,

Желтый вертолет скребет брюхом верхушки леса. Экипаж внимательно разглядывает землю и небо. За их спинами на отдаленных скамьях полумлежат пятнастый человек беспарашютного десанта.

Уже десять минут вертолет хитрит с радарами ПВО «противника». Десять минут пилоты ищут тот пролетающий пятачок подальше от хуторов и больших дорог... Стоп! Кажется, здесь. Вертолет останавливается и быстро идет вниз. Нас сильно встряхивает, но нам не до мягкой посадки. Парашютисты бросаются в лес, а вертолет снова подсовывает и жмущим и проползает. Шумят наполненные ветром сосны и осины, истошно орут потревоженные сороки и галки, а мы молча бежим подальше от этих ненадежных мест.

Короткая передышка в сыром лесном овраге. Здесь старший лейтенант Богумил Бетлея делит группу на равные части. Первую он поведет сам, второй будет командовать капитан Мариан Ляудинский.

Что суждено проредить старшему лейтенанту Бетлею и его ребятам, мы не знаем. Наша задача — перейти в другое крыло лесного массива, выйти через него к аэродрому (это километрах в двадцати), сорвать пилоты истребителей и ждать основные силы воздушного десанта.

Мы торопливо прощаемся с Бетлеем, и Мариан Ляудинский приглашает остальных в карты.

Мм-да... Вперед полтора километра болот, мелкая речка, два хутора и широкое ржаное поле. За ними лес и нужный нам аэродром. На него пойдут капитан и еще трое. Нам же приказано блокировать бетонное шоссе, по которому из военного городка на летное поле обычно доставляют пилотов и технику.

С боем! На семафор у нас два автомата, солидный запас ручных гранат, ножи, взрывчатка, рация. У каждого за спиной небольшой ранец. В нем SP — рацион жизни человека: мясные консервы, витамины в виде драже, стуженное молоко, кофе, сухари, влагоустойчивые спички, аптечка и котамалькины — обеззараживающий состав, которым нам надлежит пользоваться, если рядом не будет чистой воды и придется пить болотную. Кроме того, при нас складывающиеся свертные платки и набор разноцветных сигнальных знамен. Все шестеро в нашей группе знают голоса здешних птиц, мастерски владеют приемными дню-до, корате, свайбо и могут мгновенно изготовить и бою личное оружие. Свои наблюдения мы будем заносить в дневники. В случае провала все записи нужно уничтожить...

Где он мог нас видеть?

Пошел мелкий дождь. Твердая почва исчезла — мы ступаем по шиноплиту в топкой мок Гусьском, след за следом, толстыми суноватыми палками на-

В темном лесу они кажутся зелеными призраками...

Парашютист — разведчик, капитан Мариан Ляудинский.

Ручкавшийся бой. На этот раз учебный.

Боевую задачу ставит старший лейтенант Богумил Бетлея.

В МАЛИНОВЫХ БЕРЕТАХ?

перевес — нашей единственной и спасительной опорой среди толп.

Пуганский вводит нас там, словно бывала здесь сотня раз. Компасом он не пользуется, полагаюсь на троимированное чутье и нанюх-то свой особенный нюх.

Болото, по которому мы сейчас движемся, — или кувшином с клоузой. Чтобы сорвать его, не нужно нагибаться — стоит лишь опустить руку. Кловья здесь с красноватой и очень кислой, ибо до первых морозов еще далеко.

Но вот мох исчез, пошла сплошная неглубокая вода с твердым травянистым дном. Наши высокие, толстые ботинки намокли, вода подошла и коленям. Теперь мы идем осторожно, опасаясь глубоких ям и настоящей топи. Вокруг нас много поваленных деревьев — завешенных и трухлявых. Это ракует сразу видно, что посторонних здесь быть не может. Даже если случайно над нами и проследит вертолет «противника», летчик вряд ли что увидит: наша одежда и снаряжение сливаются с землей, кочками, деревьями и травой. «Клоп, чавк, чавк, чавк» — приговаривает под ногами темная вода польских болот...

Рыча, в которой нас предупреждали Лаудинский и Март, оказалась чуть дальше, чем следовало ожидать. Это озабочено направил, и он сорвал наши вешки на откаты и перенур. Мы быстро находим песчаный брод, отвечаем кто на карте, и осторожно вылезаем на другой берег, и первому на хутор. Чтобы наши лица не отсыревали, надеваем камуфлированные маски. Двое сейчас не поворачиваются и речке, остальные осматривают хутор...

Красота родной земли

ЗИМНИЙ СИЛУЭТ КИЖЕИ

Алексей НИКОЛАЕВ,
Вадим ГИППЕНРЕЙТЕР
(фото)

Широкая и торная дорога в историю Родины проходит и через маленький островок на Онежском озере. От раннего лета до поздней осени теплыеходы привозят на его берега тысячи и тысячи людей... А зимой Федко кто, кроме туристов-лыжников, забредет сюда зимой. Но разве красота — понятие сезонное? Или замечательный памятник русского Севера что-то проигрывает от северного снега? Многие из тех, кто видел Кижский остров зимой, могут поручиться, что это лучшая его пора. Вы видите фотографии Кижей, сделанные нашим корреспондентом в ту самую пору года, когда вышел этот номер журнала. Хочется думать, что многих они позовут в дорогу, потому что знаменитый памятник русского зодчества являет собой в эту пору неповторимую красоту.

Полтора десятилетия — не более — нужно датировать дорогу на знакомый сегодня каждому Кижский остров. Лет пятнадцать назад лишь одиночные художники, неугомонные искатели «натуры» да зело истовые любители древностей российских наезжали в Кижь, пользуясь всякого рода полутимым транспортом (вроде баркасики, везущего на островки консервы и мясные прюнки) и другими случайными средствами связи. Но случилось так, что за этим землерокощным (а есть эстетическое открытие русского Севера принадлежит им) потанулись туда (уже не на сельпоховском баркасики, а на щеголеватых теплоходах) сотни, тысячи, потом десятки тысяч людей. И была это, конечно, молодежь — народ по возрасту своему и любознательности легкий на подъем. Тропичка малая раздалась, и легла на месте торная дорога, которая теперь никогда уже не порастет бурьяном.

Вслед за молодежью идут по этой дороге и стар и мал, ибо ведет их сюда та самая любовь, которой, как известно, все возрасты покорны. И как дорога сюда, окрест стен Кижского погоста со знаменитыми его двумя храмами и колокольной выросло в последние годы на острове целое поселение Древней Руси с домами и храмами, мельницами и амбарами, каждый из коих славен не столь сединами долгих лет своих, сколь неповторимым совершенством искусства, творчеством русских плотников, умевших колдовским топорником своим извлекать из дерева вечную и нетленную красоту. Поэтому-то почитали в Древней Руси лучших зодчих и плотников, по-царски величая их: Ивань Седьмой, Клименть Одиннадцатый, Порфи-

На IV обложку ▶

ДЕВЯТЬ ПЛАНЕТ

Фантастический рассказ

начит, так: был на свете некто Хэнли, Ал Хэнли. Глянули бы вы на него — ни за что бы не подумали, что он может согнуться на что-нибудь серьезное. А если бы знали, как он жил, пока не приваляли эти тварины, так и носки не поверили бы, что будете, когда дочитаете эту историю, благодарны ему до гроба...

В тот день Хэнли был пьян. Не то чтобы давний фанат отсылался к фактам вселенным: Хэнли был пьян постоянно и поставил перед собой цель ни на миг не протрезветь. Впрочем, с некоторых пор это было для него не очень легким делом, поскольку делал у него мало не осталось и приваляли, которых можно занять, тоже. А список знакомых истощился до того, что он считал удачей, если удавалось заполучить с них на круг хотя бы на двадцать центов с носа.

И вот он благополучно достиг печальных дней, когда понемногу отпагивал много мизд, прежде чем столкнуться с кем-нибудь, хоть свистка знакомым, у которого можно стрелкнуть доллар или на худой конец несколько центов. А от долгих прогулок на головах выветриваются последние остатки хмеля, ну, не совсем выветриваются, но почти... В общем, положение у Хэнли было, как у Алдиса и Замерквалда: помнить, когда она постречалась с королевой и пришлось бежать, бежать во всю мочь, чтобы просто остаться на месте...

Попрошайничать у незнакомок — это был не выход, потому что фарыоны держались начеку и дело кончилось бы катализация, где не дадут и капелки спиртного, а уж это было бы и вовсе скверно. Хэнли дошел до той крайней точки — двенадцать часов без выпивки — что он начал наступления таких яловых компаров, по сравнению с которыми белая горячка кажется не уратком, а легкой, приятным ветерком.

Что такое белая горячка? Подумаешь, галлюцинация! Если ты не дурак, так прекрасно знаешь, что никаких галлюцинаций на самом деле нет. Иногда они даже вроде развлечения — кому что нравится. А яловые компары... Чтоб попасть до яловых, нужно сплутить больше ниски, чем обыкновенный смертный в состоянии и себя вместить. И при этом нужно лить беспрерывно, пока не поубавишь, когда был трезвым в последний раз, а потом лишится спиртного ялуд и полностью, как лишают, например, в тюрьме.

От одной мысли о яловых компарях Хэнли начало трясти. И тогда он привалил трясти руку старому другу, заальчому приятелю. Видел Хэнли этого приятеля всего-то два-три раза и при обстоятельствах не слишком для себя приятных, но какая разница! Звали «старого друга» Кидом Отгстагом, и был он круглый, но довольно-таки потрешный мужичка, некогда боксер, а теперь вышибала в кабаке, где Хэнли, разумеется, не мог с ним не познакомиться.

Однако вам-то нет нужды запоминать ни кто он есть, ни как его зовут: все равно его, этого вышибалу, ненадолго хватит, но крайней мере ненадолго в рамках этого рассказа. Тотчас, розно через полторы минуты он казался яловый край и лихнись чувств, а мы с вами больше про него и не услышим...

И все же, коль на то пошло, должен вам заметить, что, но заиряч Кид Отгстаг и не задумался ни о чувств, ни бы, может, не сидели бы, где сидите, и не читали бы, что читаете. Очень даже может быть, вы сейчас кончили бы глупую в карьеру под зеленым солнцем на другом конце нашей Галактики. Уверю вас, вам это вовсе не понравилось бы; запомните, что именно Хэнли спас нас и до сих пор спасает от подобной участи, и не судите его строго. Если бы Три и Девять забрали не его, а Кидка, все, наверное, повернулось бы иначе...

Три и Девять были пришельцами с планеты Тала, второй (и единственно пригодной для жизни) планеты вышеступающего зеленого солнца на этом конце Галактики. Три и Девять — это, разумеется, не полные их имена. Имена у тварины — числа, полное имя или номер у Три был 389057792869223. Во всяком случае, так этот

номер выглядел бы в пересчете на десятичную систему.

Надояс, вы не сердитесь на меня за то, что и называю пришельцев Три и Девять и заставляю их таким же образом именовать друг друга. Самим они рассудились бы, и очень. Тварины, образовавшие друг и друга, назвали друг друга номером полностью, и любое сокращение не таится у них даже не невежеством, а прямо таки оскорбительством. Но при всех при том и живут яловым долгие нас. Им не жалко времени, а и списку.

В ту секунду, когда Хэнли тряс усносно рт Кид, Три и Девять пробрели триохомлюю на ялик, на высоте примерно одной мили. Прель ялик не в самолете и не в космической ракете и уж, конечно, не в летающей тарелке. Тали не пробрели в кубе пространства-времени.

Вероятно, мы потребуем объяснений. Тварины установили, — дайте срок, как, может, сами установили, — что Эйнштейн был прав. Материя и способна перемещаться со скоростью больше, чем скорость света, без превращения в энергию. А нам ведь не хотелось бы превратиться в энергию? Тогдашним тоисе, а исследовали в Галатее, раз уж начали, надо было как-то продолжить.

Вот они и предумали, что можно путешествовать со скоростью больше скорости света при условии сверхнормального неравновесия во времени. То есть путешествовать не просто в пространстве, а в пространстве-временном континууме. Расстояние от Тали до Земли 160 тысяч световых лет. Но так как они сверхнормально предпринесли в прошлое на 1630 веков, то время путешествия для них самих равнялось нулю. Потому, но пути домой, они передвинулись и 1630 веков в будущее и попали в пространство во-временном континууме в холодную точку. Вы здесь, вы разобрались, что я хотел сказать!

В общем, хотите верить, хотите нет, а куб в ялик, невнятный для землян, на высоте одной мили над Филладелфией (я не спрашивал вас ни, почему над Филладелфией, — сам не представляю, как можно выбрать Филладелфию из чего бы то ни было зообий). Куб парил там уже четыре дня, а Три и Девять ловили и анализировали земные радиопередачи, пока не учились понимать их и разговаривать на английский язык.

Нет, конечно, ни черта они не разобрались и в нашей культуре, каковы она на деле, и в наших обычаях, каковы они в действительности. Самим посудите, мыслissime ли дело составить себе картину жизни на Земле, отведая наши радиопередачи, рекламных рево, деловых сообщений и любовных похолождений! Правда, тварины и особенно заинтересовало, какая тут я и как индентификация, их заблудило одно: что она не оказалась слишком развитой и не могла явить собой для них угрозу. За четыре дня они уверились, что угрозы и не нахлест. И, по-честному, трудно их винить, что они пришли к такому выводу, тем более что вывод точен.

— Идем на молодт? — спросил Три.

— Пожальд, — сказал Девять.

Три обнул своим телом рычаги управления...

— Ну, да, я же видел, как ты привалил — во времени разгадывающегося Хэнли. — Ты был хорош на ригте, Кид. Будь у тебя трезвое поумие, ты бы знаешь кем стал... Было в тебе это. Хватка, вот что. Не хотела бы ты выпить, Кид?

— За чей счет, Хэнли? За твой или за мой? — Понимаешь, Кид, я как раз на мели. Но не выпить мне нельзя: душа горит. Ради старой дружбы...

— Нужна тебе выпивка, как цитус зонтик. Ты и без того пьян. Давай-ка протрезвлю, но куда не дойдем до чертиков...

— Ужэ, — сказал Хэнли. — Да они мне нишче. Вып, пожалуйста, они же у тебя синевой.

Вспрыки всякой логики Кид Отгстаг оглушился. И тут же, к изумлению пришельцев, свалился без чувств. К ним приближались Три и Девять. И когда достигли непосредственно четвертого опромочного куба с ребром метров пять,

Рисовал Гемидана ИЮБИКИЛОВА

то и поболее. А куб это был и в то же время как бы не был — жутоватое зрелище. Наверное, именно куба Кид и испугался.

Ведь в области Три и Девят, право же, не было ничего особенного. Чернотравье, длинной (если бы их выгнали) метра по три с половиной и толщиной в центральной части тела сантиметром по двадцать пять. Концы тела у них были тонкими. А сверху губчатые. Без всяких видимых органов чувств. К Хинли и распростертому на тротуаре Киду они приближались в своем нормальном свернутом положении, вроде бы плава в воздухе.

— Простите, — сказал Хинли. — Наугадли вы моего куба, черт вас совсем... А он бы мне поставил. Прочтала бы мораль, а потом поставил. Так что с вас ставянок...

— Нет, — возразил Девят. — Сказал Три, обрадана и Девят. — И у другой особи тоже. Возвем объект...

— Непачем. Другая, хоть и крупнее, но как-то уж очень слабенькая. К тому же нам и одной половинки Понли...

Хинли отступил на шаг.

— Ставьте вышкинку — тогда побуду. А нет — не знаю, куда вы меня направите...

— Решили остаться у Киду... —

— Откуда? — переспросил Хинли. — И докажи? Вот что, хозяева, никуда я и побуду, если вы, сколько вас, не поставите мне вышек...

— Что он говорит? — осведомился Девят у Три.

— И вы поняли.

— Заберем его силой?

— А может быть, он пойдет добровольно. Существует же выдетка в куб по доброй воле?

— Нет, там есть что выветит...

— Есть, там все есть. Пробум нас войт... —

И Хинли вышел. Он не то чтобы верил в этот призрачный куб, но черт его било все равно как-то. Он не хотел допустить до черткого, лучше относиться к ним с юмором. Куб изнутри был твердым и теперь не казался ни прозрачным, ни призрачным. Три намотался на рычаги управления и легкими движениями обвел объект, как будто чувствовал его механизмами.

— Мы в подрастерстве, — сообщил он. — Предлагаю сделать остановку, изучить добытый объект в установив, вытронен ли он для наших целей...

— Ой, а как насчет выветки...?

Хинли начал не на шутку волноваться. Рук у него трипсалы, и по телу вверх и вниз ползали муравьи.

— Не волнуйся, он страдает, — жалела Девят. — Возможно, от голода или — жажды. Что имеет это существо? Перевис водорода, как и мы?...

— Большая часть поверхности этого планетки искривлена, как мне представляется, водой со значительным содержанием хлористого натрия. Синтезировать для него такую воду?

— Но надо! — вскричал Хинли. — И даже без соли — все равно не надо! Выветит хочу! Выветит... —

Проваливировать обмен веществ? — спросил Три. — С помощью инфракрасноспекта это можно сделать за одну секунду...

Он размотался с рычагов и направился к машине странного вида. Замолчала оптика.

— Удалось, — сказал Три. — Обмен веществ у него зависит от C_2H_5ON ...

— C_2H_5ON ?

— Вот именно. Этиловый спирт — а в основе. Спирт и водород. И в даме без хлористого натрия, наилучшего в аденных морях. Есть еще другие ингредиенты, но в минимальных дозах. Вот, по-видимому, и все, что он усваивал из пищи, но вранья мере на протяжении нескольких часов. И крови и в нервных клетках 0,234 процента спирта. Представляется, что весь обмен веществ в его организме основывается на C_2H_5ON ...

— Ребята! — возмущался Хинли. — Я же так помру от жажды. Ну, кончайте трепаться и давайте мне ставянок...

— Подождите немного, — ответил Девят. — Сейчас и изготовлю все, что вам необходимо. Вот только поработать придется, а также подключить искотмер...

Вновь замелькала оптика, и Девят переместился в туго куба, где была его лаборатория. Что-то там произошло, и спустя минуту он вернулся с несколькими флажками и латра для прозрачной явтарной жидкости.

Хинли принахлос, потом пригнули и тяжело выдохнул.

— Я, безусловно, на том свете, — сказал он. —

Это же ультра-прима-люкс, божественный интерьер. Такой шикарный вышкави просто не бывает...

Он сделал несколько больших глотков, и ему стало гораздо легче.

— Что это за пойло, Девят? — спросил Три. — Довольно сложный состав, в точности соответствующий его потребности. Пятнадцать процентов спирта, сороратиле водки. И еще другие ингредиенты, включая все витаминные и соли, нужные его организму, в надлежащих пропорциях и в растворенном виде. Затем еще ряд компонентов в микродозах, чтоб улучшить вкусовые свойства — по его статистике. Для нас, тогда, вкус был бы все равно ужасен, даже если мы могли бы пить спирт или что-то...

Хинли снова выдохнул и опять хлебнул. Слегка покачнулся. Поглядел на Три и ухмыльнулся.

— А теперь я знаю, что вас отведу туда... —

— Что он хочет сказать? — обратился Девят к Три.

— Мыслительные процессы у него, по-видимому, совершенно алогичны. Сомневался, что из существ данного вида получается сколько-нибудь приличные рабы. Но, конечно, ни еще прощай. Как ваше имя, существо?

— Оно и сейчас так же, приятель? —

— спросил Хинли. — М-можете знать меня как вам угодно, я и разрашою... Вы мне сам-яме, сам-яме лучшее драю... И-берате меня и не-забудьте, я-всегда-же-хочу-разобрать, в-каждый-мы-предмет, в-каждый-мы-едем... —

Он глотнул из колабы еще несколько раз и прилеп на пол. Непонятные шужки, которые он теперь выдался, ни Три, ни Девят расшифровать не могли. Это было какое-то хрипенье, а или что-то в этом роде. Они попытались растолковать его, но все их усилия оказались тщетными.

Тогда они прирвезли ряд новых наблюдений и попытались их объяснить, как могли проанализировать. Проню несколько часов. Наконец Хинли прошептал, сел и усталился на талиан бездумными глазами.

— Не верю, — сказал он. — Вас тут нету, одна вышкави, бота ради... —

Ему вновь поднесли колабу. Девят постарался, и она опять была колхозекая. Хинли выпил. И в блаженстве закрыл глаза.

— Только не будите меня!

— Только не спите...

— Тогда не давайте мне уснуть. Я понял! Понял, что это такое. Амброзия, напиток богов... —

— Ботот? А кто это?

— Да не знаю. Но она пьет амброзия. Сидит на Олимпе и пьет...

— Мыслительные процессы совершенно алогичны, — сказал Три.

Хинли поднял колабу, как задранныю чашу.

— Откуда досюда, отседа дотуда ни в жисть нам не дойти...

— Что такое жисть?

Хинли задумался.

— Жисть — это когда заведешься, и поднадерешься и илнешься, и валнешься отседа и дотуда...

— Что вам известно о Тале?

— Отседа досюда — ничего нету. И нас нету. За нас никто не знает...

Он еще выпил.

— Слякнуко туп, чтобы приспособить его к чему-нибудь, кроме самых простых физических работ, — сделал вывод Три. — Но если он достаточен силен, мы все-таки порекомендуем нашим вторичное на эту планету. Тут, вероятно, три-четыре миллиарда жителей. Нам нужно и некалцифицированный труд — три-четыре миллиарда человек — для обслуживания помом...

— Ура-а! — возманил Хинли. —

— Кажется, у него неважная координация, — задумчиво сказал Три. — Но, может, он достаточно силен... Как ваше имя, существо?

— Зовите меня Ал, ребята.

Хинли кое-как поднялся на ноги.

— Это ваше личное имя или наименование вида? И полное ли это наименование?

Хинли прислонился к стенке и парализовался немощно.

— Наименование вида, — высказался он. — Полностью будет... Давайте и нам по-латыни...

И пригнулся Ал к лавкам.

— Вы можете попытаться жить на выносливость. Бегайте от стенки к стенке, пока не устанете. А колабу с пищей и латра вас подержу...

Девят попытался взять у Хинли колабу, но тот не выпускал ее.

— Еще глоточек. Еще ма-ленький глоточек, и тогда я побегу. Пяна-ую, побегу, куда хотите...

Выть может, он нуждается в своем питье, — заморгал Три. — Давайте еще, Девят...

— А куда мы теперь направим не скорот? — испугался Хинли и пригнул к колабе. Потом он жаждеротом сделал рывок четырем талианам, которые оказались перед ним.

— Невероятно! — воскликнул Три. — Вся компания... Ставьте на меня. Выветрите, как пить надо. Но сперва еще по ма-ленькой...

Он глотнул еще, на этот раз действительно немощно, испод-под глазом подтаделся.

— Хватит! Хватит! — кричал Девят. —

Хинли сделал два шага и планетки растянулись на полу. Перевернулись на спину и остались лежать с блаженной улыбкой на лице.

— Невероятно! — воскликнул Три. — Возможно, он пытается нас олурачить? Проверьте, Девят...

Девят проверил.

— Невротично! — повторил он. — Выступил невероятно, но после этого немощного выпития образцы в совершенно бессознательном состоянии. Настолько, что потерял всякую чувствительность к боли. И это не приворотное. Данный вид не представляет для Туды ни какой-либо ценности. Готовьтесь к старту — мы вновь отправляемся. В соответствии с имеющейся у нас инструкцией забираем его с собой, как экземпляр для воссуда. Такую диковинку стоит забрать. С точки зрения физиологии, это — самое странное существо, какое мы когда-либо обнаруживали на десятках миллионов обследованных планет...

Три обернулся вокруг рычагов управления и обоями концами стал приводить механизмы в действие. Минуту 1683 тысячи световых лет, 1 630 прошлых и будущих веков наизомно погасили друг друга с такой полнотой и точностью, что создается впечатление, что — самое странное никогда и никуда не двигался ни во времени, ни в пространстве.

В сточняном городе талиан, которые правят тысячами планетных планет и посетили миллионы безземельных, например, Бенгал, Ал Хинли занимает просторную стеклянную клетку, установленную в зоопарке на самом почетном месте, поскольку он, Хинли, является здесь самым наиболее популярным объектом наблюдения.

Посредки клетке бассейн, откуда он и до лезет и где, по слухам, даже куется. Вассейн прочтотый, постоянно наполненный до краев чудеснейшим напитком, — напиток этот настолько лучше лучшего земного, что даже и на лучшем земном виски лучше самого грязного и самого вонючего вещества. Более того, в аденный напиток добавлены все ушерба для вкуса все витаминные и соли, нужные для поддержания беспробойного обмена веществ...

От этого напитка не бывает похмелья и никаких других неприятных последствий. И Хинли получает от своего жистя-бытия такое же наслаждение, как замороженый, например, Ал Хинли; они вымрут на него в изумления, а затем читают надписи на клетке, надписи, написанные с латинизированного наименования вида и самого, какое Хинли пригнул для Три и Дева...

АЛГОРИТОМ АНОНИМУС

Основная пища — C_2H_5ON , смесь приправленных этилами и солями. Иногда проявляет блестящие способности, но, как правило, совершенно алогичен. Степень выносливости: может есть, не паять, и пить несколько суток. Коммерчески имеет ценность разве что, объекту весьма забавен как образец своей странной формы жизни, обнаруженной в пределах Галактики. Место обитания — третья планета системы ИК 6547 — ХГ 908.

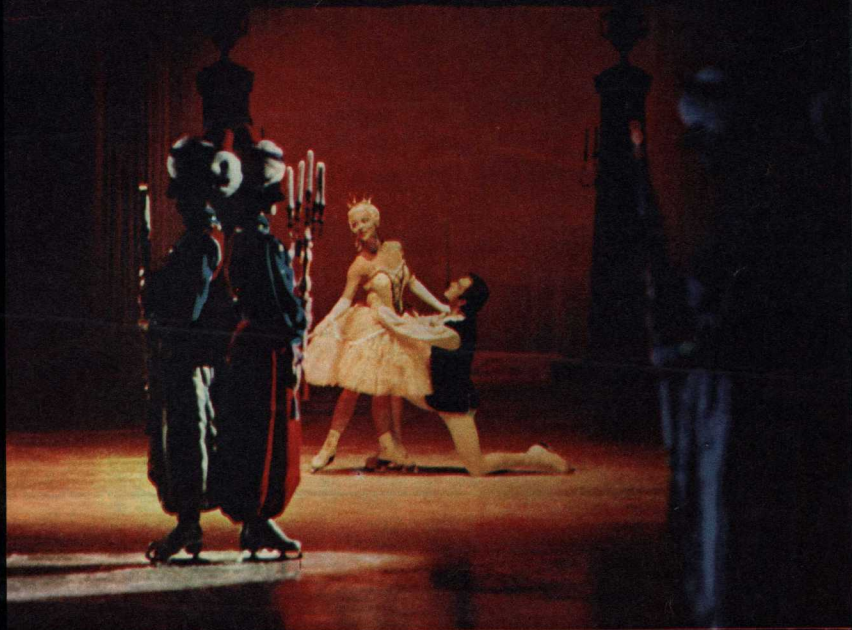
Хинли действительно столь забавен, что талиане позабывались при помом специальных процедур превратить его в практически бессмертное существо. И ценность разве что, объекту потому что если бы такой интересный зоологический экспонат вдруг да умер, они могли бы приобрести на Землю за новым. И могли бы случиться наряды и катастрофы на море — а не вид с вами трезвенники и ни капли в рот не берем. Северная планета получила шутка.

Перевел с английского В. ГАЛИН и К. СЕНИН

Наталья ДМИТРИЕВА,
Мирослав МУРАЗОВ [фото]

ДЕД И ПЛАМЕНЬ ТАНЦА

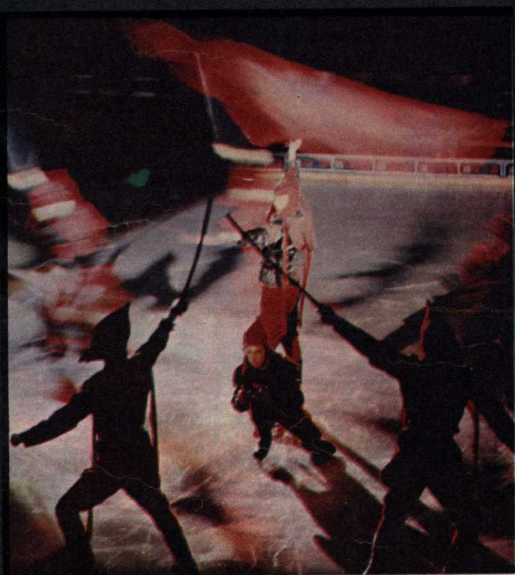

«Вятские игрушки».

Музыкальный эксцентрик Виктор Ветлицин (клоун) — ветеран ансамбля. Он заложил в нем основу цирковых традиций.

Последний номер программы — «Золушка»...

«Теманка» — лучший номер мужской группы «Балета на льду». Репертуар ансамбля меняется, но «Теманка» всегда в программе — ведь этот номер пользуется у зрителей неизменным успехом.

Когда два джентльмена надели боксерские перчатки, они вышли на ринг совсем не для того, чтобы выкурить по сигарете и обсудить последние дерби, — они принялись воплотить друг друга, чтобы кому-то из них остаться победителем. Это спорт.

Когда люди надели коньки, они вышли на лед совсем не для того, чтобы постоять, разглядывая звезды на небе. Люди, встав на коньки, узнали о себе нечто новое. Оноывается, у них длинный, плавный шаг и на коньках они готовы обогнать самого быстрого в мире бегуна или, может быть, даже догнать тройку резвых коней... И мелькают мимо конькобежцев черные сушь неподвижных деревьев, белые заграйки неподвижных сугробов, совсем по-гоголевски все отстает и остается позади... Вот уже и дышит по-другому, глубоко и сладко, почти первобытная радость ощущения неограниченного пространства, степной дикой волиницы шаманит в человеке.

Вражий солдат Швейка на льду (в роли Швейка Вячеслава Абакумова)

Почему-то, когда человек надевает коньки и выходит на лед, ему хочется мчаться на них, слезаясь с ветром. Или танцевать. И когда человек бежит по льду, обгоняя других, а другие обгоняют его, — это спорт.

А когда он танцует на льду!

Никто еще не пытался сосчитать, сколько миллионов советских телезрителей постоянно и неустанно следят за соревнованиями по фигурному

катанию на коньках. Это энтузиасты в чистом виде. И все они начинают разбираться в фигурном катании ничуть не хуже, чем другие в футболе или хоккее.

У фигуристов появились миллионы своих болельщиков. Потому что фигурное катание — это спорт. Но спорт таной изощренный, так щедро раскрывающий заложенное в человеке природой стремление к ритмичным движениям, к красоте,

естественной пластике, что по силе своего эстетического воздействия на зрителей он становится родным братом Терпсихоры — богини танца, мурз, покровительницы балета.

Вот почему Государственному ансамблю «Балет на льду» с каждым годом работать становится и труднее и легче. Ведь в любом городе и спектакль приходит уже подготовленный зритель. А сценическая площадка, залитая искусственным льдом, собирает четыре, шесть, восемь тысяч танцователей. И они чутко реагируют и на удачную удачную пружину солиста и на незначительные промахи его. А в антракте, собравшись заинтересованными группами, обсуждают предстоящие международные соревнования, припоминая старинные и новые номера: Дийнстру и Флеминг, Давидера и Шарвца, Кауфманов, Романовых, Москвину, Мишину, Родину, Уланову... И только настоящие зрители прерывают азартные споры. А потом — музыка, гаснет свет, занимаются разноцветные огни, начинается праздник на льду.

Именно праздник.

— Балет на льду должен создавать у зрителя радостное, приподнятое настроение, — так раскрывает свое творческое кредо художественный руководитель ансамбля, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств Латвийской и Армянской ССР Евгений Янович Чага. — Это — искусство праздничное, жизнеутверждающее: ведь когда человек танцует, раз уж он начал танцевать, закинул у него радость, и он готов оповестить о ней всех.

И действительно, молодой задор, смена ритмов, добрые улыбки хорошей доли юмора, не оставляют равнодушным, равнодушными зрителей, пришедших на последнюю программу «Балета на льду». Невероятные «Симфонии»: неординарный даже для самого композитора Арама Хачатуряна «Танец с саблями» в стремительном исполнении женской группы балета; строго артистическое, точно сдерживающее испанскую страсть «Беллеро»; озорная, во многом пародийная буфоннада «Адам и Ева»; вершина исполнения мужской группы балета — «Тачанка»; иррическое «Комедианты»; технико-спортивный «Дуэт». За всеми этими номерами программы — их исполнители. Это они — те самые счастливые люди, которые

Дети войны

Несмотря на питание твоее,
Все же ладим мы с судьбой.
Бабин зван нас безотцовщина,
Беспорочно голыбой.

Допоздна ухорили матери —
Нил госпиталь, нил завод.
Собирали крошки со скатерти
В темный тот, темновосный год.

Танки перли с язвотю и рыканием,
Стыли лужи на ветру.
Промышлять учили на рынку мы
И в трамван скакать на ходу.

А когда граммофончики
Начинали надсадно звать,
Нас на крышах дворини vicenda,
Но решаясь, правда, лаять.

Ни о чем не тревожась нисколько,
Словно были Загоревым,
Собирали мы так окошки —
Суевенры Большой войны.

Сверху спались целые синтисы,
Небо вздрагивало, грохоча.
Каждый близкой удар зычит
Был, как в цирке удар баяна.

А когда завывающим конюсерам
Пыл над нами фашистский знам,
Мы кричали: «Былоси, нукаси!» —
И показывали кулак.

В хост и в гриву что то —
Во все стороны
Припало его горничей,
Мы паляли в гада пистоном
С упреждением
из пушугей.

Телепатия нил мыстина,
Но мы видели рад, дрожа,
Как фашист после наших выстрелов
Вдурю не вышел из аврака.

Справедливости есть созвездие,
Детям светит оно из тьмы.
Что фашистам придет возмездие,
Кто точнее мог знать, чем мы!

Она

Не знал я, что уже вока
Не в приказе, а так
Течет молочная река
В юсельных берегах.

Потешна естество свое —
Какос с клупиной лобей!
Ах, это сладкое нитье
Мне снится столько лет!

Пугая знох облака,
Ведет знох счет,
А светловоя Она
Течет себе, течет.

Притяпывает города
И светлые леса.
Пент ливенья естада
Стрекоз и небеса.

Ибо в безатерии и зной
Молочная река
Сбывает прямо над собой
Густые облака,

Чтоб на овес, ямень и ромь
Прольиса благодатный дождь,
Молочный и косой.
Заказанный — крестьянский
дождь
Над средней полосой.

Зеленый цвет томительного полдня.
Прозрачная темя безразличия ветвей.
Нилосый лес всего меня наполнил
Серебриною музикою осени.

Березы звоном, трепетом осин,
Журчанием колокольчиков во рту,
А чтобы стая отавянки я и сильным,
В болоте указал размыр-траву.

И, починав еловую музичку,
Зажег в траве клубочки алый свет,
И самой своей шедюю кукушкой
Накукавал со тридцать девять лет.

Спасибо, лес, за ласку.
Постарюсь
Не обмануть пророчество твое.
Спасибо за негаданную радость,
Робячие беспечальные лютые.

За грозные благодисте капли,
За то, что снова верить мне дано
В добро из марьяновского спектакля,
Которым будет знох победено.

Пригород

Еще и кузнечник прыгает,
Но става безгонной тропя,
Москва наступит на пригород,
Растет и расстет, как трава.

Тут радост с подгнивающим срубам
Ажурная мачта зноша,
Там даль обновляется трубами,
Закатным сверкающим степя.

В пейзаже смешивается чистинство:
Стая дод под дождиком седым,
А в аватарнойвои зносии
Поджвеман корючийвой дым.

Там тучи тяжелые копятся,
Уходит на нилы ластисы.
Что ж, нашей знохе бед копоты
Пока еще не обитисы.

Но лишь бы за эти натурренуемны,
За потным сегодшним днем
Сияя бы войной не завьоненной,
Густой голубой околом.

И лишь бы к защите от холода
Все эдочество нил не сводить,
И лишь бы о нас архологам
По бысла пустым не судить...

И лишь бы — родной, хоть
неприбыльный —
Березовый лес не зачах...
Идет нагустелые на пригород —
Москва раздвигается в печат.

Спасное- Лутовниново

Старый парк пролистова, как сказку,
Доснитися свою песню свирелец.
Вот уют и хороший конос:
Светлый дождь над полям за
Спассиона.

Синий лес, голубая пшеница
И спонийная летяжа далк...
Иог закончилась сказка, а жаль —
Ни к чему было ниле торпоситис!

Все мди бы, мди по алевям
Сивоз густое жуужание лчел.
Я Гурьевна в детстве прочел.
Не оставил ктох чуть. И — жалено.

завывали на льду оттого, что нам радость.
Так по крайней мере думали зрители, глядя на
них. И в зтои настоящие, большое искусство арти-
стов «Балета на льду».

Недавно ансамбль исполнил десять лет. Это
не считая двух лет студийной его жизни, когда
первые руководители и создатели ансамбля —
союз балета [И. Лавровской] и цирка [А. Ар-
нольд], отбирали и ставили на коньки спортсме-
нов, артистов балета, циркачей. Так пришла в студию
Ирина Головацкова. Тогда ей было всего
двенадцать. Теперь Ирина — четвертая, заезда первой
величнейша, очень технична, артистична. Солистка
И. Головацкова — заслуженная артистка РСФСР.
Вместе с ней начинали свой путь Владимир Лу-
шин, приехавший из Горького и теперь — самый
заслуженный артистом РСФСР, Валерий Ба-
бицкий, с которым произошел «курзис»: в первый
раз его не приняли по конкурсу... Сейчас он один
из лучших, опытейших солистов, и, конечно, спо-
собен, идет его на льду — одно удовольствие для
зрителей. Так непринужденно легко и естествен-
но, с такой приветливой улыбкой, что кажется,
только так и должны держаться в жизни люди,
а потому Валерия просто невозможно пред-
ставить без коньков и льда. В «Дуэте», в паре с
Аллой Ивановой, Валерий Бабийчик почти каж-
дый спектакль бискурует, потому что дотошный,
подозрливый зритель моментально регистрирует
каждое элементарное фигурное катание, которые
показывают Иваново и Бабийчик и которые
далеко не всем известны спортсменам уда-
ются.

Удачно сочетаются в молодых солистах «Балета
на льду» артист и спортсмен. Это можно сказать
и о Татьяне Немцовой, многократной чемпио-
нке нашей страны в одиночном катании, и о
Ирине Кленовой, которая пришла в ансамбль ста-
жером, а теперь Ирина — мастер спорта, и об
Александре Елисейе — талантливейшем артисте
серьезном, деликатном человеке, с первой про-
фессией, немалымдалек от фигурного катан-
ия кинерен.

Ансамбль «скопачивался» нелегко, как всякое
новое дело. У него не было своих профессиона-
лов — или становились те, что больше всего на
свете хотели стать артистами балета на льду. За-
ефир Шапоров, педагог с высшим образованием,
аэробат, почти не умев кататься на коньках и стал
работать заливщиком льда. Работал и учился фи-
гурному катанию, чтобы через несколько лет по-
блеском выступить в роли Аламы в одноименном
балете-буффонде. У Заефира нет дублеров на
эту роль. Адам — Заефир Шапоров — единственный
и неповторимый.

Много можно было бы рассказать о людях,
танцующих на коньках. О том, как они, все вме-
сте, составляют чудесный сплав — сплав спорта,
балета, цирка. И без этого триединства, без ка-
кой-то части его, без любого из трех «пластов»
невозможно было бы создать то, что мы видим
сейчас в «Балете на льду». Невозможно созда-
вать и будущие номера. Е. Я. Чага мечтает по-
ставить «Окна РОСТА» — политическую сатиру.
Будет продолжена романтическая опера, расис-
рассат рамки сказочных сюжетов, по-новому за-
звучат песни Отечественной войны.

Но по-прежнему будет выходить на лед немно-
го грустный клоун, музыкальный эскриптер Виктор
Ветляничин — это он заложил цирковые тради-
ции в ансамбле и искусство балета на льду. Его
возраст естать на коньки. Теперь стареют, кото-
рые всегда составляли резерв ансамбля, учат-
ся у Ветляничина его искусство. Вместе с ним рабо-
тает молодой жонглер Эдуард Рыбаков. Он при-
рожденный конькобежец, но стал осваивать
жонглирование — получилось. А теперь Эдуард
невыделяется в уголок имени Дурова — учится
дескриворе. Его мечта — выходить к зрителям с
медведем на коньках: «Идут в свободной» — благо-
даряют Рыбакова старшие товарищи.

Ансамбль «Балет на льду» всегда рад новым
пополнению: в любом городе, где он бывает на
гастролях, тренера, режиссеры, солисты всегда
готовы «посмотреть» желающих, проверить их
«бюжета качества».

И, конечно, зрители ожидают увидеть среди со-
листов «Балета на льду» тех своих любимцев, за
которых они еще совсем недавно «болели» на
международных соревнованиях. Ну что же, не
покажет. А пока — пока «Балет на льду» совер-
шает свое очередное турне по стране и в каж-
дом городе, каждый вечер собирает четче,
шесть, восемь тысяч болельщиков, то есть зрите-
лей.

Феликс ЗИГЕЛЬ

ЛУНЫ И ЛУНЫ ОБЕЛИК МАРСА

Пять лет назад, когда американская автоматическая станция «Маринер-4» передала на Землю первые снимки марсианской поверхности и один из них опубликовала «Комсомольская правда», в редакции газеты позвонил известный ленинградский астроном и поинтересовался, не спутала ли редакция по неведению фотографии Луны и Марса. Но ошибки не было. Ко всеобщему изумлению астрономов, Марс, по крайней мере внешне, оказался удивительно похожим на Луну. Дальнейшие исследования лишь подтвердили это сходство.

Летом 1969 года «Маринер-6» и «Маринер-7» снова с близкого расстояния фотографировали Марс. На этот раз и снимков было получено гораздо больше, чем в 1965 году, и сами снимки получились более четкими и подробными. Но хотя в 1969 году были сняты совсем другие районы Марса, чем за четыре года до этого, картина получилась прежняя. И на новых снимках Марса видны типичные лунные ландшафты.

Неожиданное сходство Луны и Марса поставило перед наукой ряд новых проблем. И прежде всего вопрос: чем вызвано это сходство? Как

далеко оно простирается? Какую оценку в свете новейших данных о Марсе получат популярная гипотезы о марсианской растительности и марсианских каналах? Реальны ли эти каналы, или новая информация о Марсе заставляет нас признать, что эта соседняя планета столь же безжизненна, как и Луна?

Постараемся разобраться во всех этих проблемах.

Когда изображения Марса «очистили» от всевозможных помех (что оказалось весьма нелегким делом), как из рассеивающегося тумана выступили четкие марсианские ландшафты. То, что на первоначальных снимках казалось несвязным, теперь просматривалось вполне отчетливо. Выявились множество новых, ранее не замеченных деталей.

Первое, что бросается в глаза — изобилие кратеров, по форме, строению и размерам не отличимых от лунных. На 22 сфотографированных участках зафиксировано 635 кратеров. Если такая картина характерна для всего Марса, то на поверхности соседней планеты должно насчитываться не менее полтора-два тысяч достаточно круп-

ных кратеров. Поперечники их различны — от нескольких километров до нескольких сотен километров. У большинства кратеров окаймляющий их вал невысок (не более 200—300 метров), а внешней его край весьма пологий (наклон 5—10 градусов).

Как и на Луне, кратеры — основная, но далеко не единственная форма рельефа Марса. Различными обширными протяженными горными цепями, поднимающимися на несколько километров. Есть основание подозревать, что среди марсианских гор найдутся значительно более высокие, чем высочайшие из земных вершин.

Любопытны бороздки — призматические образования длиной до 200—300 километров и шириной в 3—5 километров. Некоторые из них внешне напоминают какие-то исполинские порезы на марсианской поверхности. Другие выглядят возмущенными. Скорее всего это следы тектонических разломов в марсианской коре.

Летом 1969 года «Маринер-6» и «Маринер-7» фотографировали экваториальную зону Марса и район южнее полярной шапки. Среди множества кратеров, заполнявших и эти снимки, выделялся один — диаметром около 500 километров, —

ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ПАМЯТНИК ОТКРЫЛ
В. И. ЛЕНИН
2. АМЕРИКАНЦЫ
ПРОГНОЗИРУЮТ
3. НЕВСКАЯ ЖИРАФА
4. ВМЕСТИТЕЛЬНЫЙ
МАЛЫШ
5. МОЛОДЫЕ ЗОДЧИЕ
6. МУМИЕ НА ПУТИ
В КЛИНИКУ
7. БЕРЕГИТЕ КАРМАНЫ
В ЦЕРКВИ
8. ЧЕРЕЗ ОКЕАН
С УРАГОНОМ
9. СТОЛЕТНИЙ БЕГУН
10. ТАИНА УНИКАЛЬНОГО
КОНВЕРТА
11. ПОХИТИТЕЛИ ГОЛОВ
12. ЕЩЕ ОДНА СЕНСАЦИЯ
АВАНГАРДИЗМА
13. ЗВЕЗДЫ УРЖАЮТ
ОСТРОВАМ

1.

Ленинская идея монументальной пропаганды была горячо поддержана народом. Ниной отклик она нашла и в 1-м Оренбургском социалистическом казачьем полку имени Степана Разина, участвовавшем в легендарном рейде партизанской армии В. К. Блюхера летом 1918 года по тылам белых. В феврале 1919 года приехавшая в Москву делегация от этого полка во главе с Ф. Свешниковым передала Казачьему отделу ВЛКСМ 8174 рубля 50 копеек на памятник и просила подкрепить передачу Советским правительством об увековечении памяти Степана Разина. Просьбу делегация удовлетворила.

Памятник Степану Разину был выполнен С. Т. Коновковым за очень короткий срок. Открытие временного памятника Степану Разину явилось большим событием. Красная площадь была переполнена народом. На торжестве прибыли представители красных казачьих полков, а в этом была как-то своеобразная переличка веков... — вспоминал С. Т. Коновков. — Красные кавалеристы с пиками красовались на чистокровных конюхах, как белые герои — наследники славных Разинов. Никогда не забуду мне, как шел Владимир Ильич и Лобному месту. Он шел без пальто, в своем обычном черном костюме со стороны Исторического музея. Ликующая толпа, словно по амонию волшебной палочки, расступилась перед ним, образуя широкую череду через всю площадь... Он взойдя на Лобное место и начал говорить речь о Степане Разине.

Делегаты красных казачьих полков, слушавшие речь В. И. Ленина, вернулись в свои части и рассказали о торжествах в Москве 1 мая 1919 года. Речь Ленина вдохновила казаков на новые боевые подвиги. 9 июля 1919 года Революционные республиканские гвардии за боевые подвиги в период освобождения Белыеба 1-й Оренбургский социалистический казачий полк имени Степана Разина и другие части кавалерийской бригады Почетными революционными красными знаменами.

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ», СССР

2.

Отрабатываясь от тех технических достижений, которые мы уже имеем или на которых можно предвидеть рассчитывать в ближайшем будущем, можно представить себе прикладывая такую картину для американского бизнесмена в 1980 году.

Он проводит день за разработкой новой компьютерной стратегии для Индонезии с помощью электронно-вычислительной машины своей компании, называя на экраны карту и себя и внобитие. Затем он дает задание той же машине передать усовершенствованный план в отделение фирмы в Токио. Скоростной телеграфом помчит его в пригород, где он живет. Дома быстро получив, он просматривает счеты и свой ежедневный бизнес-дневник, передавая данные паромом, подползающим к телевизору. Затем два часа он просматривает телефильм. А в конце вечера связывается по видеотелефону со своим старым

другом и часок поиграет с ним в карты. А там пора и спать ложиться.

В общем, жизнь не так уж плоха, разве только немного скучно, но это дело исправления. Об этом технический прогноз рисует лишь одну сторону будущего. А теперь давайте представим себе такую картину жизни бизнесмена в 1980 году.

Он проводит день над планом охраны собственности компании от вандализма со стороны воров. Он предвидит, что через три года уйдут домой ему предстоит совещание по поводу нового правительственного распоряжения о закрытии трех крупнейших заводов номинально из-за чрезвычайного положения в городе в связи с крайней загрязненностью воздуха. Гурьевский филиал сообщает, что новый националистический режим требует фирма собственности на 90 процентов всего имущества предприятия. На вокзал ему придется ехать крупным путем, чтобы миновать район, где происходит столкновение между полицией и новой группой агитаторов под «кварталами бедных». Его пригородный поезд опаздывает на два часа, а его машина с трудом движется с места, потому что механик, который занимался ею в последний раз, не имел понятия о том, что ему надо сделать.

По пути домой у него начнется насморк, и он почувствует, что опять простудился. Дома он заметит жучку в пальто.

Нам придется куда-нибудь пойти пообедать, дорогой, — смеется она ему. — Опять не было завтрака с трех часов, и я не могла ничего приготовить. И пугалась доложить и тебе, но все линии были заняты.

Вполне вероятно, что жизнь в 70-е годы будет содержать элементы обихода этих картин. А может быть, и кое-что другое.

Проблемы США носят скорее социальный, чем технический характер. Они вытекают из кризиса городов, разгустого медлительности бедных и черных, ухудшения природных условий нашей жизни, индустриальной революционной обострения жизни перенаселенности и недостатка средств в городских районах, отравления молодежи и ценностями, почитаемых их родителями, и в мире, который они создали для них. Война во Вьетнаме не сгладила эти проблемы, и окончание этой войны не решит их.

«БИЗНЕС УИ», США

3.

В Ленинградском зоопарке, пожалуй, самый популярный сейчас зоолог — табличкой «Жирафы». Здесь единственная в нашей стране семья жирафов: у мамы и папы попарно попарно жирафы. Ею завладела, «рози мастыжка» — около двух метров, весит она 5 килограммов. Ее родители, совершив путешествие из Южной Африки, привезли ее издалека поселиться на берегах Невы.

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

4.

Сложив жаленский словарь в мире является это французско-бретонский словарь. Его емкость — 16 миллионов, а ширина — 10. В издании 89 страниц на которых помещалось 232 слова французского языка и такое же количество бретонского.

«В МИРЕ КНИГ», СССР

5.

Очередной список лучших дипломатических факультетов архитектурных факультетов страны составлен в Новосибирске. Здесь, в крупнейшем промышленном, научном и культурном центре Западной Сибири, в выставочном зале отделения Союза художников, было рассмотрено экспозиция 148 проектов от 21 учебного заведения.

Тематика дипломных работ охватывает различные социальные проблемы нашего общества, актуальные вопросы сферы труда, быта и отдыха.

Наряду с проектами, выполненными по реальным программам, отмечен ряд работ с научно-исследовательским подходом и тем, что стало важной чертой дипломного проектирования архитектурных школ. Информация из смежных научных областей — аниматоним, генетика, демография, статистика и социология — определяла творческий процесс и дала дипломантам материал для интересных замыслов и оригинальных идей.

К лучшим работам отнесены проект Вадима Молодина в Удмуртском институте И. Деминскими. Им предпродумано как бы скульптурное решение композиции и культурно-развлекательную группу во внутренний двор — место встреч и форумов молодежи. Пространство двора органично гостиницы на 220 номеров и зданиями дворца с фойе перед актовым залом на 120 мест, библиотекой, кружками, клубными танцами, студиями и помещениями для администрации. Обширные общественные вестибюль, ведущий к кафе и ресторану.

«АРХИТЕКТУРА СССР»

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении

6.

Валерий Брумель был одним из первых травмотологов в области, кто испытал на себе благотворное действие мумие, замисловившись о опытах древней восточной медицины. Своему успеху способствовала еще одна особенность — он был арцем этой мощной стимулятор сращивания костей. Судите сами: в течение 10 дней печеная кость у взрослого человека сращивается на 75—80 дней (а это время у самых легких случаев перелома — полтора года), а у Брумеля происходит в среднем уже через 30 дней. И самоцветы болюитов, которые лежат мумий, как правило, гораздо лучше: быстрее исчезают боли, быстрее восстанавливаются атрофические мягкие ткани.

В чем же загадки действия мумий? Советские исследователи установили, что оно активизирует минеральный обмен. Повышается содержание в крови солей кальция, магния, фосфора — важных «строительных материалов», входящих в состав кости. Это ускоряет образование костной мозоли. Кроме того, мумий — мощный биостимулятор, усиливающий все физиологические функции организма.

В 1965 году, когда случился несчастный случай в Валерий Брумель, мумий только входило во врачебную практику и применялось лишь в нескольких клиниках нашей страны. Теперь больные, получающие его лечение, насчитываются уже сотнями. Мумий испытывают в Центральном институте травматологии и ортопедии, в Ленинградском химико-фармацевтическом институте, в Уфимском институте травматологии и ортопедии, в Самарском медицинском институте.

Около двух лет назад в Ставропольском медицинском институте врач В. И. Молчанов попытался использовать мумий для лечения больных раковыми опухолями, племенистыми и невралгиями.

Мумий совершенно безвредно для человека. Но этого мало — опыты показали, что ему свойственны антибактериальные действия. Изучением этого действия занялся американский биолог и хирург института морской медицины АМН СССР профессор Е. Давидович. Он установил, что мумий некоторые вещества, весьма интересные в практическом отношении. Оказались, что водные экстракты многих образцов мумий обладают высокой противомикробной активностью: в них погибают даже вибрионамины, устойчивые и пенциллину.

Мумий находят, как правило, высоко в горах, в пещерах и гротах, недоступных даже для животных и птиц. Собирают его обитатели в горах Средней Азии (Чаткальский, Туркестанский хребты, Памир, Тянь-Шань, Копетдаг). В последние годы и этому слесу прибавились горные районы Кавказа. В СССР найдено уже более 50 месторождений мумий.

«ХИМИЯ И ЖИЗНЬ», СССР

8.

Бил Веритт, ирландец, является пока единственным мореплавателем, который рискует пересечь Атлантический океан вместе с ургалом «Доббис». Свое путешествие Веритт совершил на небольшой парусной лодке, которая во время урагана потеряла руль. Это обстоятельство не смутило, однако, хбреца. Когда он достиг берегов США, он попросил у береговой охраны лодку, чтобы сделать новый руль и продалать плавание.

«ТЭМПО», МEXИКА

9.

Ларри Льюис из Сан-Франциско отразил 102-й день рождения личным режиссом а бее на 100 ярд — 17,3. Это на 0,5 сек. лучше его прошлогоднее результаты на этой дистанции. «На будущий год я попытаюсь улучшить ровно в 17 сек. Я буду тренироваться еще больше».

Остается только добавить, что, готовясь к этому сезону, 40-летний старец пробегал ежедневно утром по 10 км, а вечерами совершал двухчасовую пешую прогулку.

«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ», СССР

10.

На конверте две однопенсовые марки острова Маврикия. В конверте находится почтовое письмо, датированное в 1850 году женой губернатора острова Маврикия лейб Гомм Томасу Жеррону в Бомбей. По прибытии в Индию письмо не зашло по адресу, и, согласно местным почтовым правилам, оно попало в архив почтовой контрольной № 40 лет. В 1897 году один английский филателист обнаружил ушальское письмо на бомбейском базаре и приобрел его за 50 фунтов стерлингов. В течение последующих 20 лет конверт, так и не вскрытый, побывал в нескольких коллекциях. В 1917 году он перешел к известному американскому филателисту А. Ликштейну, в собрании которого хранился более полвека.

В прошлом году конверт с двумя розовыми «Маврикиями» ладжи и таинственным письмом лейб Гомм вошел в число предметов торги на аукционе. Победник оценил

два претендента — уполномоченный известный японский коллекционер Кэнзи Ураки и торговый маркиан из Нового Орлеана Раймонд Ведал. Последнее слово осталось за Ведалом, который доделал конверт за 380 тысяч долларов.

После аукциона журналисты обратились к новому владельцу уникального конверта с вопросом: не намерен ли он открыть конверт и промстать таинственное письмо лейб Гомм? Р. Ведал ответил, что такую возможность он предпочитает тому, что заплатит ему более высокую, удерживая его сумку.

«ФИЛАТЕЛИЯ», СССР

11.

Римские власти встревожены действиями тихонского шайки, которая специализировалась на похищении голов статуй, не останавливаясь даже перед убийством бесценных памятников. Римские власти в целях охраны скульптур приступили к замене голов особо ценных статуй на копии из цемента.

На фото статуя Венеры из парка Борзесе после похищения головы и статуя римской матроны с замененной головой — оригинал ее хранится в музее.

«ПАНОРАМА», ПОЛЬША

12.

В оперном театре Кацлеруа состоялась премьера «Американской истории» Сильвано Вусоти «Страты по Саду». Это произведение авангардного искусства уже ставилось в оперных театрах Нью-Йорка, Пуштина и Стогольма.

В своей «метрике» Вусоти выступает в качестве автора музыки, режиссера, художника, дирижера и даже главного героя.

В первом акте, названном «Союз одетый Арденнием Вусоти мечется по одному по авансцене перед занавесом на фоне звуковых структур, сопровождаемых итальянскими, французскими и немецкими цитатами из газетных и журнальных критических статей. Он агитирует за само себя, свои «очел» с критическим одновременно на занавес, потолок и стены зала проецируются цветные рисунки,

изображающие ноты, музыкальные фигуры, самого Вусоти. Все это, по мысли автора, должно «настроить публику на предстоящее «главное» действие, которое разворачивается антракта на открытой сцене. А затем — в зале — на фоне звуковых суодухов на полу; арденнием ностом постепенно спадает и падает публичной проекцией «таинственный» «паразит» и темные упрямые металлы и ювелир, в изурованном гоним, а вместо традиционного фигового листа на красноты битый и с твердостью драгоценные камни. Во втором акте, названном «Металлы и организм», извлекающий из своего тела все вещества, которые вытесняет в верхнем регистре. Здесь мы в форме публичной проекции «металлы и организм» (Катит Берберин) «троянскую пудру» (Катит Берберин) по полураздетый. Прочие нано по добле нотозарных насаждений, она располагается на пизантиклетках на которых свертывается «эротичность рисунка». Сильвано Вусоти — марина де Сад, парижанец в сербрийской парижанском XVIII веке, порхает от ноты и пугает и дает испуганному музыкантам багетными движениями. В третьем акте не приходится ему быть в течение двух дней в маске. Однако, ему не хватает только одного — авторского дирижирования.

«МЕЛОС», ФРГ

13.

Первый сигнал бедствия поступил с острова Гант: несметная армия морских рабобитов грохотала острогу гильды. Затем забил тревогу жителя Фиджи, Гуама и многих других островов Тихого океана. Это равнозначит объявлению войны. В настоящее время исключительное кораллами. Ученые установили, что огромная колония титанов звезд восточной части Тихого океана коралловыми риф длиной 400 километров. А ведь без коралловых рифов невозможна жизнь на большинстве тихоокеанских островах: рифы образуют корку толковой впадины, принимающей на себя удары океанских волн, создают в лагунах особый видный режим, благоприятствующий разномусовию.

Конечно, эти звезды жили и жились в Тихом океане и раньше, но не в таких количествах. Существовало определенное «равновесие сил» — звезды пидала кораллами, а кораллы — панцирями мертвых звезд. Но за последние годы равновесие оказалось нарушенным. Одной из причин этого является деятельность человека — в частности, деятельность Портер Кир, очень стремительный судобой острова, заведя, что 250 тысяч долларов, отпущенных Вашингтоном для борьбы с этим стихийным бедствием, недостаточно. Группа биологов-подводников перепробовала различные способы уничтожения звезд этого вида, но средство пока еще не найдено. Металлическое уничтожение вредителя приводит лишь к обратному результату: из каждого «звездного» оокова вылетает американский болот.

«Иона асиро» — скавал профессор Кир, — если не будут немедленно приняты самые решительные меры, гибель многих тихоокеанских островов можно считать неизбежной».

«ЗУРПОКО», ИТАЛИЯ

новых изданий на паях с Зито. Купил кое-какие акции, обзавелся французской (именной) неподделуемой от Сан-Пауло. Впрочем, для обеспечения своей старости Пеле всегда имеет около более чем 100-процентную возможность: ему достаточно подписать контракт с каким-либо богатым европейским клубом. Ведь там поступили многие из его товарищей. Почему же он до сих пор не последовал их примеру?

— Видите ли, деньги — это еще не все в нашей жизни. Я отчаянно чувствую себя в Бразилии, и не собираюсь покидать мою родину. Потому что здесь мой дом, моя семья, мои друзья. Если бы дело было в деньгах, я давно бы уже должен был их ухватить: ведь мне делались миллионные приглашения и в

этом ему приходится играть в куда более трудные условия, чем в любом другом игровом. Ведь за Пеле защитники следят во все глаза. И не только следят: вспомните безобразные сцены кокетливых португальских защитников на чемпионате мира в Англии!

Кому упоминать и о его не совсем обычном хобби, которому он отдает свободное от футбола и деловых забот минуты? Пеле сочиняет песни. И, по моему мнению, не очень хорошие. Во все времена с них уже записаны на пластинки известные певцы Уилсон Сименон и Жилмар Гимареш. Пеле никогда не расстается с гитарой, и его музыкальные упреждения служат постоянным объектом шуток и разговоров со стороны друзей.

он, что добился всего, о чем мечтал, о чем мечтает? Когда я задал недавно ему этот вопрос, Пеле засмеялся и ответил, что, к сожалению, до сих пор не сумел осуществить своей самой заветной мечты: забить гол в ворота соперника с центра поля, точно же после свистка судьи, возвещающего о начале матча.

Потом он посерьезнее, задумался и, словно размышляя вслух, сказал:

— Видите ли, мне кажется, что всего, о чем мечтаешь, добиться никогда невозможно. Потому что человек никогда не перестает мечтать, стремиться к чему-то...

Пеле — актер, герой многосерийного телесериала.

Знаменитый финт Гарринчи.

ФРГ, и в Италию, и в Испанию. Однажды даже наехали на миллион долларов в США, если я соглашусь поехать в эту страну. Предоставляет миллион долларов! Но разве эти деньги принесли бы мне счастье?

Так говорит Пеле, человек, чья имя более десяти лет подпрыгивало орудием заслуженного почета и често заработной платы. В сезоне 1959 года Пеле забил 129 голов, обогнав футболистов всех времен по количеству голов, забитых за один год. А со дня заключения первого контракта с «Сантосом» он забил уже более 1 000 голов. Не буду вновь описывать торжества по случаю «золотого» тысячного гола, о них достаточно подробно сообщила наша пресса. Напомню лишь об одном факте, характеризующем Пеле-человека. Вот он снова этот гол, матч прерван, Пеле несут на руках, к нему таянутся сотни рук и десятки микрофонов. И он, наклонившись к этим микрофонам, говорит то, чего никто от него не ожидал. Крикнул, домашними голосом он кричит: «Сейчас, когда меня слушают все страна, когда на меня смотрят все глаза, я хочу сказать вам, друзья: помните о наших бедняках, о наших нищих, о голодных детях, о тех, кто живет в фавелах. Давайте поможем им! Приближайте рождение, а сколько людей встретит его голода?! Я сам был голодным мальчишкой, я знаю, что это такое! Друзья мои! Давайте поможем бедным!»

«Король» возмущается поистине королевские почести. И все же, хотя он любим, почитаем, ошибочному ему не прощают, за слабо проведенные матчи критикуют весьма безжалостно. Кенто мне довелось присутствовать на одном из редких матчей, проигранных «Сантосом». Торсика «капитана» кляла Пеле на чужем счете. И это было чертовски несправедливо! Потому что нет в Бразильском, да, вероятно, и в мировом футболе игрока более заргунного, более эксплуатируемого, чем Пеле. По мнению доктора Феллино, он просто-напросто не успевает восстанавливать свои силы в кратких интервалах между матчами. И при

Другое хобби «короля» неожиданно превратилось в дополнительный и весьма прибыльный источник его доходов: речь идет о его страсти к театральному искусству. В июне 1968 года телестанция «Энсейс» в Сан-Паулу заключила с Пеле контракт, по которому он был привлечен к съемкам грандиозного (несколько сотен серий) телевизионного фильма на одну из главных ролей. Каждый генеральный день отдался для футболиста «Сантоса» «короля» приемлем в Сан-Паулу и перевоплощается в писателя научно-фантастических и полицейских романов, которому приходится сталкиваться со своими героями, и другим на землю прибывает космический корабль с других планеты. По ходу дела, как того требуют святыя традиции бразильского телевидения, Пеле приходится прыгать через пропасти, совершать воздушные salto-mortале на вертолетах и парашютах, преследовать бандитов в океанских глубинах и стратосфере, сражаться с черными силами многочисленным противникам и спасать представителей слабого пола от всевозможных посягательства на их жизнь, и честь. Впрочем, в отношении последнего пункта создатели этой феерической телесериалы постоянно делают различия не менее грандиозную идею канатоу забуренного рыцаря киноактера, вознаграждающего сию же минуту о любовных похождениях Брижитт Бардо с участием Пеле в главной мужской роли.

Впервые на экране телевидения негр появился не в привычной ампула шуток, бандитов, чистильщиков в ботинки или морально неполноценного существа, а в облике героя — ловкого, умного, обязательного борца, защитника обижимых. В индустрии телесериалов оговорено, что Пеле будет исполнять только такие роли. Новая работа так увлекла Пеле, что он всерьез подумывает о том, чтобы по окончании своей футбольной карьеры стать профессиональным актером.

Итак, «короля» находится в зените своей славы, успеха и материального благополучия, продолжает оставаться тем же обаятельным парнем, который в 1958 году восхитил мир не только финтами и ударами, но и удивительным добродушием, простотой, скромностью. Но считает ли

Грыбная «радость народа»

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Благо время, когда газеты все время печатали его портреты на первых полосах. Мир время, когда этому парню был посвящен кинофильм, названный «Радость народа». Сегодня от белой славы остался, пожалуй, только мемориальная бронзовая доска в холле стадиона «Мараканан», на которой среди имен прославленных героев чемпионата мира в Швеции значится и он: Манозил Франсиско дос Сантос. И в скобках: «Гарринчи». Ему даже не послали приглашение на торжественный банкет по случаю десятилетия юбилея победы в Швеции. Его заблудил пригласить в матч сборных Бразилии и США, организованный в связи с этим юбилеем. Всея пригласили: оставшихся генералов и страдальных певцов, знаменитых жокеев и модных портных. А Манозил Франсиско дос Сантос стоял в очереди за билетом вместе с десятками тысяч своих незнатных соотечественников.

Итак, о Гарринчи забыли... «Радость народа», кумир Бразилии остался вне футбола, без друзей, без славы. Истеричные девчонки не кричат больше хором его имя с трибун стадионов, гимназисты не носят футболку с его портретом на груди.

7 июля 1953 года. В этот день на стадионе «Ботафого» в Рио-де-Жанейро, волнущий, переминающийся с ноги на ногу двадцатипятилетний Манозил или Маня, как его называли друзья в Пау-Гранде ирландской «гордиции», затерянной где-то в туманной «Рио-де-Жанейро», дернулся за сетку, ограждавшую футбольное поле, и с замарашенной седьмой слезой за теннисной «юбка» Гант Манозил терсясь своими ногами. Привел парня сюда индий Аради, бывший футболист «Ботафого», который кайн-то раз случайно попал на матч в Пау-Гранде и, увидев и ослепительный футбол, пожелал финт Маня, решил показать его в своем клубе.

Тренировка подошла к концу, когда тренер Нейтин Кардозо вспомнил о парне, провазанном отсюда-то из провинции.

И Маня робко вышел на поле...

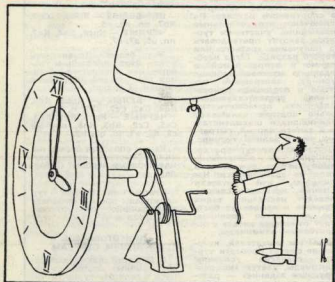
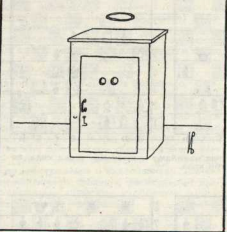
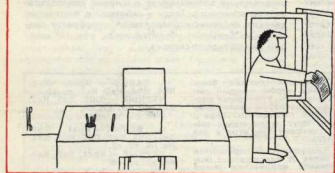
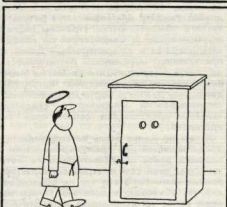
Игорь Воробьев

ПОПУТНОГО ВЕТРА!

Год назад в нашем журнале появилась первая рисунки Игоря Воробьева. Сегодня мы знакомим читателей с несколькими работами карикатуриста. Молодого по стажу, но зрелого по темам своих рисунков. Игорь — инженер-лаборант кибернетики, юмор — как бы его вторая профессия.

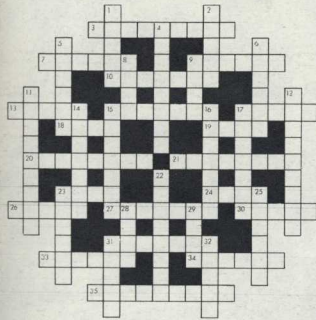
БОЛЬШЕ НЕ ЗАНИМАЙТЕ. ОСТАЛОСЬ ПЯТЬ ХОДОВ

КРОССВОРД

Составил П. ГАЙНО,

г. Приморско-Ахтарск, Краснодарского края

По горизонтали:

3. Первенство в научном отряде, изобретении. 7. Дерево семейства буковых. 9. Вакует А. Ш. Адама. 16. Пустыня залив. 13. Город в Южной Индии. 15. Птица семейства утиных. 17. Река на Северном Кавказе. 18. Повесть М. Горького. 19. Новая птица. 20. Народный танец. 21. Река в Южной Америке. 23. Вечнозеленое дерево, мустангир. 24. Морской рак. 26. Группа бастующих рабочих, демонстрация у предприятия. 27. Плянист и педерго, народный артист СССР. 30. Город в Эстонии. 31. Съедобный гриб. 33. Документ об окончании высшего учебного заведения. 34. Химический элемент. 35. Автор слов «Марша коммунистической бригады».

По вертикали:

1. Песня на слова К. Рылева. 2. Лососевая рыба. 4. Хищное животное из семейства кошачьих. 5. Озеро в Восточной Сибири. 6. Байкальская сивирь. 8. Музыкантский знак. 9. Порт в Ирландии. 11. Советское спортивное общество. 12. Персонаж оперы Ш. Ф. Гуно «Фауст». 14. Краткое наименование научной работы. 15. Небольшая птица, обитательница в Америке. 16. Персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон». 17. Строительные инструменты. 22. Обединение промышленных предприятий. 23. Занятие в высшем учебном заведении. 25. Персонаж оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 28. Специальные краски, употребляемые автором для исполнения поли. 29. Оптический прибор для увеличения зрения. 31. Рыба семейства карпалей. 32. Химический элемент, газ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.

НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

5. Цирюльничий. 8. Колона. 14. Орехов. 15. Титин. 16. Семенов. 18. Повесть. 19. Ветельский. 22. Истопник. 23. Ангарск. 24. Сокоз. 26. Галин. 28. Кролик. 29. Полигон. 30. Бганков. 31. Лобачевский.

По вертикали:

1. Витюга. 2. Плянист. 3. Исполни. 4. Кимово. 6. Вологодский. 7. Демонстри. 10. Суперброфаст. 11. Иотельминов. 12. Досососский. 17. Ватин. 18. Пойма. 20. Доватов. 21. Насонов. 24. «Самовар». 25. Ленинск. 27. Тряпич. 28. «Брасин».

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

«СМЕНИ» № 3

1.

2.

ПЕСНЯ О РУССКОМ СОЛДАТЕ

Слова Карины ФИЛИППОВОЙ

Музыка Кирилла АКИМОВА

Кто в русской армии герой —
Понятно без подсказки,
А если нет — совет такой:
Читайте на ночь сказки!
Кто суп варил из топора,
Черей не раз морочил!
Такого жару ни давал —
Проверьте, кто захочет!

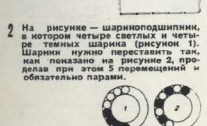
Приве:
Раз-два! Раз-два!
Удалая голова!
Раз-два! Раз-два!
Испугаешь, черта с два!
Раз-два! Раз-два!
Погнбал в бою сто крат...
Раз-два! Раз-два!
Вечно жив солдат!

По ком стучат сердца дедают —
Понятно без подсказки,
А если нет... то наш совет:
Перечитайте сказки!
Рыцали ночи напролет,
Влюбленные нарпелы.

А он: «Спасибо за почет —
Невеста ждал в деревне».

Приве.
Ни разу не был победен —
Понятно без подсказки!
За то народом наречен
Героем русской сказки.
Кто всех прочной построит дом
И землю лучше вспахает,
А если вступит в бой с врагом,
То бой тот будет страшен!

Приве:
Раз-два! Раз-два!
Удалая голова!
Раз-два! Раз-два!
Испугаешь, черта с два!
Раз-два! Раз-два!
Погнбал в бою сто крат...
Раз-два! Раз-два!
Вечно жив солдат!

ЗИМНИЙ СТИЛУЭТ ПИИЛЯ

Почти все сегодня бытовое еще недавно разгворы сплетников, разве что заповедный отголосок где раздается мода, мол, пошла на старину, и квартирные укорачивает дименсионами игрушками, и в Инки ездит, отпуски тратит, нет чтобы за свои ироничные погрязнуть на чьясь-то сортировке, ищет их леший в карельские дубки, «лешего» сего именования водой. Только никуда не уйдешь от того факта, что «мода» эта пошла нам побороть эстетическую слепоту, нигилистические отношения и небрежность и памятникам нашей истории и культуры. И сегодня пору-

чить можно, что не поднимется ни у кого рука оставить незабвенный свой авторграф на эвонках и сербистосных лесниках инкиских храмов. И разве не там же самая мода? сделала там, что не сыщите вы сегодня в магазинах обильно издающихся книг по древнерусскому искусству, и жмота дороги они порой, а исчезают из инкиных прилавков прочие преслабейшие диктинаны. Что это? Мода? Если так, честь и хвала такой моде, и давайте не будем поэтому бороться против инки, если выражают они истину, а давайте эту моду настоящих, ее ин-

ри Састлай. Едут люди в Инки дивятся рукоятной красоте своих пращуров, и поинтересуют их и тому не великая память потомков, а нечто более высокое, и называемое чувством Родины.

Часовня XVIII века перевезена из деревни Лейкозеро.

Покровская церковь.

Уникальной галереи на деревянных коньчатых жлезаных часоне на Волкоострове (XVII—XVIII вв.).

нем — ростом национального самосознания, когда каждый чувствует себя связанным с историей и культурой Родины.

Плюралистичность (никого слова не нумно тут иснать) в Инки не только эстетическая потребность, но и одно из проявлений этого чувства.

Да, сегодня никого не удивишь уже фантазиями и легендами по части памятников старины и в особенности Инки. Бывший там коть раз, да и те, кому не выпало еще ступить на шаловный островок в Онежском озере, знают и о двадцати двух главах Преображенского храма, не удивимо разбогатых и небу, и о трех восьмичланных, поставленных один на другой, и о привезенной на остров Лазаревской церкви, единственном в своем роде деревянном памятнике XIV века, и о легендарном мастере Истери, который, по преданию, окончил работу, забросил в озеро топор, и умчелся, зная о том, что сработаны Инки без одного гвоздя. Знают. Но сегодня уме, оказывают, недостаточное знание, так сказать, на уровне пугача-водителя, те, кто признает себя, хотят знать больше. И наступают второй этап — постижение. Более глубокое. И тогда ЗНАНИИ об истории и архитектуре заменяются ЧУВСТВЕННОЙ историей и архитектурой. И это поехом на отголоски нового века.

В чудесном затаеваемом, но хлостесомом на первом, взгляде нагромождении срубов, галерей, куполов, боченотеремом, ирпачи, иконозанов проступает строгая закономерность, выделенная линия, и человек способен, говоря словами Пушкина, поведить алгеброй гармонию. Он видит, что архитектурные формы, нававшиеся ему случайным переждением фантазии, пластически определены, маждя деталь здания отчитивна сама по себе и «работает» на общую архитектурную идею. Он видит, что сама фактура ервее — обманенная поверхность

бревенчатых срубов, чешуйчатый лемех куполов, а не мезаловое покрытие — не причуда мастера, но единый художественный образ. Человек постигает и то, как строители Инки достигли великого единства всех сооружений ансамбля, призвав для того рассудочную выверенность и сухую геометрическую уравновешенность, а сложную ассиметричную обьемов и силуетов, которая и рождает гармонию. Здесь, в Инки, человек постигает законы одну из самых поразительных тайн древнерусского зодчества, тайну, и такой же не известную архитектуру ни одного другого народа, как узнали наши мастера выбирать место для своих сооружений, «вписывать» их в пейзаж.

Нельзя не привести здесь слова точнейшего знатока северного деревянного зодчества академика И. Э. Грабаря. Он пишет: «Поразительно умение, с которым эти строители-поэты выбирали место для храмов: нет возможности принадумать импозицию лучше той, при помощи которой они связывали истинные издриса шатры и стоящие из-за береговой дурной главыи церкви со всем окружающим пейзажем, с изгибом реки, с изломом холмов, с гладью озера и со штеинной лесой».

И здесь, в Инки, нельзя не поддаться тому, как весь силуэт архитектурного ансамбля как бы вырастает из острбы, создавая значащий пейзажный пережд от пологий холмов и мощному и широкому основанию сооружений, а потом

Как ими строа в беззвучии, как плаки. Как лесной храм струится в высоту...

Повери алгеброй гармонию, постигну красоту, приномлю в себе умом сербцем, человек постигает и свое, отечественную историю.

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820